

мировой бестселлер от автора трилогии «Сосны»

БЛЕЙК КРАУЧ

Краучу удалось
сплести воедино
фантастические
мотивы, научную
достоверность и
эмоциональную
глубину.

Wall Street Journal

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

Бестселлер New York Times

Annotation

Джейсон Дессен, выдающийся физик, некогда отказался от блестящей научной карьеры и стал обычным преподавателем в колледже. Теперь все его внимание отдано семье – любимым жене и сыну. Они для Джейсона важнее всего. И вдруг – это нелепое похищение... Неизвестный в маске напал на Дессена на улице, под дулом револьвера усадил его в машину, отвез к заброшенному зданию и ввел ему в вену непонятный препарат. Джейсон потерял сознание. А очнувшись, обнаружил себя окруженным массой людей; все они обращались к нему как к старому другу и наперебой поздравляли его с возвращением – и с тем, что его открытие наконец-то сработало. Вот только Дессен не знал никого из этих людей. И уж тем более не ведал, что за открытие совершил...

Блейк Крауч

Темная материя

© Перевод на русский язык, С.Н. Самуйлов, 2016

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Э», 2017

* * *

*Для тех, кто хочет знать, какой могла быть жизнь в конце
непройденной дороги*

*Что быть могло и что случилось,
Все сводится к извечному концу.
В памяти эхо шагов
По коридору, в который мы не свернули,
К двери, которую мы не открыли.*

Т.С. Элиот «Бернт Нортон»

Люблю четверговые вечера.

Есть в них что-то вневременное.

Такая у нас традиция – семейный вечер, только мы втроем.

Мой сын Чарли сидит за столом, рисует что-то в альбоме. Ему почти пятнадцать. Вырос за лето на два дюйма и уже почти догнал меня.

Я отворачиваюсь от лука, который режу на разделочной доске.

– Можно посмотреть?

Сын поднимает альбом, показывает горный хребет – нечто инопланетное.

– Мне нравится, – говорю я. – Просто так или...

– Домашнее задание. Завтра сдавать.

– Что ж, трудись, мистер В-Последнюю-Минуту.

Довольный и чуточку пьяный, я стою у себя на кухне и даже не подозреваю, что этот сегодняшний вечер – конец всего. Всего, что я знаю, всего, что люблю.

Никто не скажет, что скоро все изменится, что тебя лишат всего-всего. Никакой системы предупреждения о приближающейся опасности нет, как нет ни малейшего указания на то, что ты уже стоишь над пропастью. Может быть, именно поэтому трагедия так трагична. Дело не в том, что случается, а в том, *как* это случается: удар настигает внезапно, когда ты совсем его не ждешь. Ни увернуться, ни собраться уже не успеваешь.

Светодиодные светильники отражаются на поверхности вина в бокале, и в глазах начинает пощипывать от лука. На старенькой вертушке в кабинете крутится пластинка Телониуса Монка. Аналоговые записи можно слушать бесконечно – в них есть некая сочность звучания, особенно эти щелчки между треками. В кабинете у меня груды редких виниловых дисков, и я постоянно говорю себе, что однажды возьмусь за них и приведу все в порядок.

Моя жена Дэниела сидит на «кухонном островке». В одной руке у нее почти пустой бокал, в другой – телефон. Почувствовав мой взгляд, она улыбается и, не отрывая глаз от экрана, говорит:

– Знаю, знаю. Я нарушаю главное правило семейного вечера.

– Что-то важное? – спрашиваю я.

Дэниела смотрит на меня темными испанскими глазами.

– Ничего.

Я подхожу к ней, мягко забираю телефон и кладу его на столешницу.

– Могла бы приготовить пасту.

– Предпочитаю смотреть, как готовишь ты.

– Вот как? Тебя это заводит, да? – понизив голос, спрашиваю я.

– Не-а. Мне просто больше нравится выпивать и бездельничать.

Ее дыхание отдает сладким запахом вина. На губах она держит улыбку, с архитектурной точки зрения совершенно невозможную. Улыбку, которая до сих пор действует на меня убийственно.

Я допиваю последние капли.

– Откроем еще бутылочку?

– Было бы глупо не открыть.

Пока я вожусь с пробкой, Дэниела забирает свой телефон и показывает мне дисплей.

– Читала в «Чикаго мэгэзин» рецензию на шоу Марши Альтман.

– И как? Благожелательная?

– Да. Практически любовное письмо.

– Она молодец.

– Я всегда думала...

Супруга обрывает предложение, не доведя его до конца, но я знаю, куда ее потянуло. Пятнадцать лет назад, еще до знакомства со мной, Дэниела делала первые шаги и подавала надежды на артистической сцене Чикаго. У нее была студия в Бактауне, она показывала свои работы в полудюжине галерей и готовилась к сольной выставке в Нью-Йорке.

Потом вмешалась жизнь. Я. Чарли. Тяжелая послеродовая депрессия.

Крушение планов.

Сейчас Дэниела дает частные уроки живописи школьникам.

– Не то чтобы я не рада за нее. То есть да, она умница, талант, и она все это заслужила.

– Послушай, – говорю я, – если тебе станет лучше, Райан Холдер только что получил премию Павиа.

– А что это такое?

– Междисциплинарная награда, которую дают за высокие достижения в биологических и физических науках. Райана отметили за работы в области нейробиологии.

– Премия большая?

– Миллион долларов. Признание. Широкие возможности для получения грантов.

– Повышение по службе?

– Истинная ценность награды именно в этом. Он пригласил меня сегодня отметить это дело неформальным образом в узком кругу, но я отказался.

– Почему?

– Потому что сегодня наш вечер.

– Тебе надо сходить.

– Не пойду.

Дэниела поднимает свой пустой бокал.

– То есть ты хочешь сказать, что у нас с тобой есть веская причина напиться?

Я целую ее и щедро наливаю нам обоим из только что открытой бутылки.

– Эту премию мог бы получить ты, – говорит Дэниела.

– А ты могла бы владеть художественной сценой этого города.

– Зато у нас есть это. – Жена делает широкий жест, включающий в себя обширное пространство нашего городского особняка; его я купил еще до встречи с ней на деньги, полученные по наследству. – И это... – Она кивает в сторону Чарли, который полностью поглощен работой. Своей сосредоточенностью наш сын напоминает Дэниелу, когда та с головой уходит в живопись.

Странная это штука – быть родителем подростка. Одно дело – растить ребенка, и совсем другое, когда за умным советом обращается человек, стоящий на пороге взрослости. У меня такое чувство, что дать-то особо и нечего. Подозреваю, есть отцы, которые видят мир в определенном ракурсе, четко и ясно, и они всегда знают, что говорить сыновьям и дочерям. Но я не из их числа. Чем старше становится мой ребенок, тем меньше я понимаю. Я люблю сына. Он для меня – все. И при этом мне трудно избавиться от чувства, что я каким-то образом подвожу его. Отправляю в суровый и жестокий мир всего лишь с крохами моих

довольно неопределенных убеждений.

Я подхожу к шкафчику возле раковины, открываю его и начинаю искать коробку с феттучине.

Дэниела поворачивается к Чарли:

– Твой папа мог бы получить Нобелевскую премию.

Я смеюсь.

– Это, пожалуй, преувеличение.

– Чарли, не верь, – возражает жена. – Он – гений.

– Ты милая, – говорю я. – И немножко пьяная.

– Ты сам знаешь, что это правда. Наука шагнула не так далеко вперед, потому что ты любишь свою семью.

Я только улыбаюсь. Когда Дэниела выпивает, случаются три вещи: у нее начинает проскакивать родной акцент, она становится агрессивно доброй и у нее появляется склонность к преувеличению.

– Твой отец сказал мне однажды ночью – никогда этого не забуду! – что чисто научное исследование требует полного самоотречения. Он сказал... – На какое-то мгновение – и к моему удивлению – эмоции у супруги берут верх. Глаза ее затуманиваются, и она качает головой, что делает всегда перед тем, как расплакаться. Но в последний момент Дэниела все же справляется с собой и продолжает: – Он сказал: «На смертном одре хочу вспоминать тебя, а не холодную, стерильную лабораторию».

Бросаю взгляд на Чарли и вижу, как тот, не отрываясь от работы, закатывает глаза. Наверное, смущен разыгрывающейся на его глазах родительской мелодрамой. Я смотрю в шкафчик и жду. Подступивший к горлу комок рассасывается, и я, взяв пасту, закрываю дверцу.

Дэниела пьет вино.

Чарли рисует.

Трогательный момент проходит.

– Где у Райана вечеринка? – спрашивает жена.

– В «Виллидж тэп».

– Так это ж твой бар!

– И что?

Она подходит и забирает у меня коробку с пастой.

– Иди, выпей со старым колледжским приятелем. Скажи, что гордишься им. И выше голову! Передай мои поздравления.

– Твои поздравления я передавать не буду.

– Почему?

– Ты ему нравишься.

– Перестань!

– Так и есть. С тех самых пор, когда мы жили в одной комнате в общежитии. Помнишь последнюю рождественскую вечеринку? Он только и делал, что пытался заманить тебя под омельу.

Дэниела смеется.

– Когда вернешься, обед уже будет на столе.

– Значит, вернуться мне нужно через...

– Сорок пять минут.

– Что бы я без тебя делал?

Она целует меня.

– Давай даже не будем об этом думать.

Я беру ключи и бумажник с керамического блюда возле микроволновки и выхожу в столовую, задержав взгляд на тессерактовой^[1] люстре над обеденным столом. Дэниела подарила ее мне на десятую годовщину свадьбы. Самый лучший подарок.

У передней двери меня догоняет голос жены:

– Будешь возвращаться, возьми мороженое.

– Мятное с шоколадной крошкой! – добавляет Чарли.

Я поднимаю руку и выставляю большой палец.

Не оглядываюсь.

Не прощаюсь.

И мгновение уходит незамеченным.

Конец всего, что я знаю. Всего, что люблю.

* * *

Я прожил на Логан-сквер двадцать лет, и краше всего это место бывает в первую неделю октября. На память всегда приходит строчка из Ф. Скотта Фицджеральда: «Жизнь начинается заново с первой осенней свежестью».

Вечер выдался прохладный, небо ясное, и на нем прекрасно видна рассыпанная пригоршня звезд. В барах шумнее обычного, их заполнили разочарованные фанаты «Кабс»^[2].

Я ступаю на тротуар под мерцающей пестрой вывеской «ВИЛЛИДЖ ТЭП» и смотрю в открытую дверь корнер-бара, найти который можно в любом уважающем себя районе Чикаго. Этому бару случилось стать моей местной забегаловкой. К дому он самый близкий – всего-то пара кварталов.

Я прохожу сквозь сияние голубой неоновой вывески перед окном и переступаю порог. Пробиваясь через толпу, киваю Мэтту, хозяину и по совместительству бармену.

– Только что рассказал о тебе Дэниеле, – говорю я Райану Холдеру.

Он улыбается. Для преподавателя-лектора вид у него весьма изысканный и ухоженный – загорелый, в черной водолазке, растительность на лице тщательно подстрижена.

– Чертовски приятно тебя видеть. Тронут. Дорогая? – Холдер трогает голое плечо молодой женщины, сидящей на соседнем табурете. – Ты не уступишь место моему старому другу? На минутку?

Женщина послушно освобождает табурет, и я сажусь рядом с Райаном. Он подзывает бармена.

– Мы хотим самого дорогого, что есть в вашем заведении.

– Райан, не надо... это ни к чему, – пытаюсь я отказаться.

Друг хватает меня за руку.

– Сегодня пьем самое лучшее.

– Есть двадцатипятилетний «Макаллан», – говорит Мэтт.

– Двойной. На мой счет, – заказывает Холдер.

Бармен уходит, и Райан тычет мне кулаком в плечо. Сильно.

За ученого его с первого взгляда и не примешь. В студенческие годы он играл в лакросс,

о чем до сих пор напоминают его широкие плечи и легкость движений прирожденного атлета.

– Как Чарли и милая Дэниела?

– Отлично.

– Надо было взять Дэниелу с собой. Я не видел ее с прошлого Рождества.

– Просила передать тебе поздравления.

– У тебя чудесная жена, но это не такая уж новость.

– Каковы шансы, что и ты в ближайшее время остепенишься?

– Почти никаких. Холостяцкая жизнь с ее немалыми преимуществами меня вполне устраивает. А ты по-прежнему преподаешь в Лейкмонт-колледж?

– Да.

– Приличное заведение. Базовый курс физики?

– Точно.

– Значит, преподаешь...

– Квантовую механику. В основном вводную часть. Ничего жутко сексуального.

Мэтт возвращается с нашими напитками. Райан берет у него стаканы и ставит мой передо мной.

– Так ты сегодня празднуешь... – начинаю я.

– Экспромт. Несколько аспирантов организовали. Больше всего им хочется напоить меня и учинить суд.

– У тебя удачный год. Я еще помню, как ты чуть не засыпался на дифференциальных уравнениях.

– И спас меня ты. Не в первый и не в последний раз.

На мгновение под уверенностью и глянцем проглядывает бестолковый студент-весельчак, с которым я полтора года делил отвратительную комнату в общежитии.

– Павиа тебе дали за...

– Идентификацию префронтального кортекса как генератора сознания.

– Точно. Конечно. Я же сам в газете читал.

– И что думаешь?

– Блеск.

Похвала ему определенно по вкусу.

– Сказать по правде, Джейсон, – говорю это без лишней скромности, – я всегда думал, что прорывную работу опубликуешь ты, – признается мой друг.

– Правда?

Холдер изучающе смотрит на меня поверх черной пластиковой оправы очков.

– Конечно. Ты умнее меня. Это все знали.

Отпиваю виски и стараюсь не показать, насколько он хорош.

– Хочу спросить... Ты сейчас кем себя считаешь – ученым-исследователем или преподавателем?

– Я...

– Потому что я, прежде всего и главным образом, считаю себя человеком, ищущим ответы на фундаментальные вопросы. Если люди, которые меня окружают... – Райан кивает в сторону прибывающих студентов, – достаточно умны, чтобы поглощать знания всего лишь за счет близости ко мне... что ж, отлично. Но передача знаний сама по себе меня не интересует. Значение имеет только наука. Исследование.

Я отмечаю в его голосе нотку раздражения или злости, и она крепнет, словно он накручивает себя, готовясь к чему-то.

– Так ты расстраиваешься из-за меня, а, Райан? – Я пытаюсь обратить все в шутку. – Тебя послушать, получается, что я едва ли не подвел тебя.

– Послушай, я преподавал в МТИ^[3], в Гарварде, в Университете Джонса Хопкинса – в лучших учебных заведениях на планете. Я знаю самых больших умников по этой части, и ты, Джейсон, перевернул бы мир, если б выбрал нужную дорогу. Если б держался меня. Но вместо этого ты преподаешь базовый курс физики будущим врачам и юристам-патентоведом.

– Не всем же быть мегазвездами вроде тебя, Райан.

– Если б ты сам не поднял руки...

Допиваю виски.

– Ладно, рад, что заглянул. – Я слезаю с табурета.

– Не надо так, Джейсон. Я же в плане комплимента.

– Горжусь тобой, приятель. Seriously.

– Джейсон...

– Спасибо за выпивку.

Выйдя из бара, иду по тротуару, и чем дальше от Райана, тем сильнее разгорается во мне злость. И я даже не уверен, на кого злюсь.

Горит лицо.

По спине течет пот.

Бездумно, вопреки запрещающему сигналу на пешеходном переходе, ступаю на проезжую часть – и тут же слышу скрип тормозов и визг трущейся о мостовую резины.

Я оборачиваюсь и с удивлением вижу несущееся прямо на меня желтое такси. За приближающимся ветровым стеклом лицо таксиста – усатое, в глазах паника, – напрягшегося в ожидании столкновения.

В следующий момент мои руки уже лежат на теплой желтой крышке капота, и шофер, высунувшись из окна, орет:

– Куда лезешь, придурок?! Жить надоело? Башку из задницы вытащи!

Позади такси уже сигналият остановившиеся машины.

Я отступаю на тротуар, и движение возобновляется.

Водители трех автомобилей столь любезны, что нарочно сбрасывают газ – показать мне средний палец.

* * *

Магазин здорового питания «Хоул фудс» пахнет, как та девушка-хиппи, с которой я встречался до Дэниелы, – свежей зеленью, молотым кофе и эфирными маслами.

Испуг рассеял кайф до стадии отупения, и я просматриваю витрины-холодильники в затуманенном, летаргическом и сонном, состоянии.

На улице, когда я выхожу из супермаркета, похолодало. Зябкий ветер с озера напоминает о скорой, уже ждущей где-то за углом зиме.

Теперь в холщовой сумке у меня мороженое, и маршрут для возвращения домой я выбираю другой. Он на шесть кварталов длиннее, но потеря во времени компенсируется уединением, а мне после разговора с Райаном и стычки с таксистом требуется перезагрузка.

Прохожу мимо стройки (вечером она выглядит заброшенной), а чуть позже – мимо спортплощадки начальной школы, в которую ходил мой сын. Металлическая «горка» поблескивает в свете уличного фонаря, покачиваются под ветром качели...

Есть в этих осенних вечерах некая энергия, пробуждающая внутри меня что-то природное. Что-то давнее, из детства, прошедшего в Западной Айове. Футбольные матчи в средней школе, стадион, игроки в лучах прожекторов. Запах созревающих яблок и кисловатая пивная вонь студенческих попоек в кукурузных полях. Ветер в лицо, красная пыль кружится в свете задних фонарей – я еду в кузове старенького пикапа по проселочной дороге, и вся жизнь расстилается впереди широкой, бесконечной лентой.

Вот это и прекрасно в юности.

Пронизывающая все невесомость. Судьбоносные выборы не сделаны, дороги не выбраны, и развилка впереди предлагает чистый, ничем не ограниченный потенциал.

Мне нравится моя жизнь, но я уже не помню, когда ощущал в себе эту легкость. Разве что нечто отдаленно похожее, в такие вот осенние вечера.

Холодок начинает прочищать голову.

Хорошо, что до дома уже недалеко. А не растопить ли газовый камин? Мы никогда не делали это до Хеллоуина, но сегодня так непривычно холодно, что, пройдя около мили на таком ветру, мне хочется только одного: сидеть у камина в компании Дэниелы и Чарли с бокалом вина.

Улица пересекает линию метро.

Я прохожу под ржавеющей металлической эстакадой.

В моем представлении метрополитен – по-нашему Эл – персонифицирует город даже в еще большей степени, чем знаменитый профиль с небоскребами. Эта часть маршрута – моя любимая, потому что она самая темная и тихая.

И сейчас здесь...

Ни поездов.

Ни огней в обоих направлениях.

Ни шума пивных.

Ничего, кроме далекого рева реактивного лайнера, приближающегося к аэропорту О'Хара.

Подожди-ка...

Что-то есть, что-то приближается... шаги по тротуару.

Я оглядываюсь.

Тень бросается ко мне, расстояние между нами сокращается быстрее, чем я успеваю понять, что происходит.

Первое, что я вижу, – лицо.

Белое, как у призрака.

Высокие, выгнутые, с опущенными концами брови.

Красные, поджатые губы – слишком тонкие, слишком идеальные.

И жуткие глаза – большие и черные, как смоль, без зрачков и радужек.

Второе, что я вижу, – дуло то ли пистолета, то ли револьвера в четырех дюймах от моего носа.

– Повернись, – произносит низкий, скрежещущий голос за маской гейши.

Ошеломленный происходящим, я реагирую не сразу.

За что получаю рукояткой оружия в лицо.

И поворачиваюсь.

Сказать, что бумажник лежит в левом переднем кармане, я не успеваю.

– Твои деньги мне не нужны, – говорит он. – Иди.

Я делаю шаг... другой...

– Быстрее.

Иду быстрее.

– Что вам надо?

– Рот закрой.

Над нами пронесется с шумом поезд. Мы выходим из темноты под эстакадой. Сердце рвется из груди. Я осматриваюсь – внимательно, с любопытством и с внезапно проснувшимся интересом к деталям. На другой стороне улицы – огороженный жилой комплекс. По эту сторону – квартал с несколькими заведениями, закрывающимися в пять. Поезд с ревом пронесется сверху, над нами, и мы выныриваем из темноты.

Салон красоты.

Юридическая консультация.

Мастерская по ремонту бытовой техники.

Косметический салон.

Шиномонтаж.

На улице – ни души. Район словно вымер, превратился в город-призрак.

– Видишь тот внедорожник? – спрашивает незнакомец. Впереди, у тротуара, припаркован черный «Линкольн Навигатор». Чирикает сигнализация. – Садись за руль.

– Что бы вы ни думали...

– Иначе сдохнешь прямо здесь, на тротуаре... от потери крови.

Я открываю дверцу с левой стороны и сажусь за руль.

– Моя сумка с продуктами...

– Возьми. – Мужчина садится сзади. – Заводи.

Я закрываю дверцу и ставлю пакет из супермаркета на пол между передними сиденьями. В машине так тихо, что слышно, как колотится пульс – быстрое треньканье о барабанную перепонку.

– Чего ждешь? – спрашивает незнакомец.

Нажимаю кнопку запуска двигателя.

– Включи навигацию.

Включаю.

– Выбери предыдущие пункты назначения.

Автомобиля со встроенным GPS-навигатором у меня никогда не было, так что нужный символ на тачскрине нахожу не сразу.

Появляются три локации.

Одна – мой домашний адрес. Другая – университет, где я работаю.

– Вы за мной следили? – спрашиваю я.

– Выбери Пуласки-драйв.

Выбираю 1400 Пуласки-драйв, Иллинойс 60616, не имея ни малейшего представления, что это и где. Женский голос из навигатора предлагает повернуть, когда это будет возможно, на сто восемьдесят градусов и проехать восемь десятых мили.

Я переключаю передачу и сворачиваю в темную улицу.

– Пристегнись, – говорит незнакомец у меня за спиной.

Накидываю ремень безопасности. Он делает то же самое.

– Для полной ясности, Джейсон. Если попытаешься сделать что-то, помимо четкого следования инструкциям, выстрелю через сиденье. Понятно объясняю?

– Да.

Я еду по своему району, думая о том, что, может быть, вижу его в последний раз.

Красный свет на перекрестке останавливает меня перед корнер-баром. Через тонированное стекло справа вижу, что дверь еще открыта, и мельком замечаю Мэтта. Райан восседает на табурете, повернувшись спиной к бару, и, возя локтями по стойке, разглагольствует перед своими аспирантами. Может быть, даже развлекает их пугающей историей о своем старом приятеле-неудачнике. Я хочу окликнуть его, дать понять, что у меня неприятности, что мне нужна...

– Зеленый, Джейсон.

Я проезжаю перекресток.

GPS-навигатор показывает, что нужно ехать на восток через Логан-сквер к автостраде имени Кеннеди. Там бесстрастный женский голос выдает очередную инструкцию: *«Поверните вправо через сто футов и продолжайте движение – девятнадцать и ноль восемь мили»*.

Машин в южном направлении идет немного, и я разгоняюсь до семидесяти миль в час и держусь на этой скорости. Ладони на обтянутом кожей руле начинают потеть, а в голове бьется один и тот же вопрос: неужели я умру сегодня?

Наверное, если мне суждено выжить, это новое откровение останется со мной до самого конца: мы уходим из жизни так же, как и приходим в нее, – в полном одиночестве. Мне страшно, и ни Дэниела, ни Чарли, ни кто-то другой не могут помочь именно тогда, когда я нуждаюсь в них больше всего. Они даже не знают, что со мной.

Автострада огибает деловой центр города с запада. Уиллис-тауэр и стайка небоскребов поменьше тепло светятся на фоне ночи.

Прорывая панику и страх, мозг пытается решить загадку, найти ответ на главный вопрос: что происходит?

В навигаторе мой адрес. Значит, это не случайная встреча. Незнакомец следил за мной. Он знает меня. Вывод – происходящее сегодня есть результат некоего моего действия.

Но какого?

Я не богат.

Моя жизнь не имеет никакой ценности ни для кого, кроме меня самого и моих близких.

Меня не арестовывали. Я не совершил никакого преступления.

Не спал с чужой женой.

Конечно, и мне случалось показывать средний палец олухам на дороге, но это же Чикаго!

Последняя и единственная ссора с применением физической силы случилась в шестом классе, когда я ударил в нос одноклассника, пролившего молоко на мою рубашку.

Я никого всерьез не обидел, никому не сделал ничего плохого. По крайней мере, ничего такого, что могло бы закончиться вот этим: я за рулем чужого «Линкольна Навигатора», и в затылок мне дышит холодная сталь.

Я – физик-атомщик и профессор в небольшом колледже.

К студентам, даже худшим из них, я отношусь с уважением. Те, что заваливали курс, заваливали его потому, что им прежде всего было наплевать на учебу, и уж конечно, никто из

них не мог обвинить меня в том, что я сломал им жизнь. Сдать экзамены я помогаю, как только могу.

В боковом зеркале удаляется, отступает все дальше и дальше профиль города, знакомый и уютный кусочек береговой линии.

– Я сделал вам что-то в прошлом? Или кому-то, на кого вы работаете? Просто не могу понять, чего вы хотите от...

– Чем больше болтаешь, тем хуже тебе будет.

И вот тут я впервые замечаю, что в голосе моего похитителя есть что-то знакомое. Не могу определить точно, где и когда, но мы определенно встречались.

В кармане вибрирует телефон – пришла эсэмэска.

Потом другая.

И еще одна.

Забрать телефон этот тип забыл.

Смотрю на часы – 21:05.

Я вышел из дома чуть больше часа назад. эсэмэски, конечно, от Дэниелы, она хочет знать, что случилось. Опаздываю на пятнадцать минут, и это много, потому что я никогда не опаздываю. Смотрю в зеркало заднего вида, но в салоне слишком темно, и мне видна только мертвенно-бледная маска. Решаю рискнуть. Убираю с руля левую руку. Опускаю ее на колено. Считаю до десяти.

Незнакомец ничего не говорит.

Снова кладу руку на руль.

Тишину нарушает компьютеризованный голос: *«Поверните вправо на Восемьдесят седьмую улицу, съезд через четыре ноль три мили»*. Я опять опускаю левую руку. Но теперь залезаю в карман слаксов. Телефон лежит глубоко. Мне удастся дотянуться до него средним и указательным пальцами и кое-как зажать между ними. Я тащу его миллиметр за миллиметром, и резиновый корпус цепляется за складки ткани. Кончики пальцев снова ощущают вибрацию – входящий звонок. Вытащив наконец телефон, я оставляю его на колене – экраном вверх, – а руку снова кладу на руль.

Голос из навигатора сообщает о расстоянии до приближающегося поворота. Я бросаю взгляд на телефон и вижу пропущенный звонок от «Дэни» и три текстовых сообщения:

«ДЭНИ 2 мин. назад
Обед на столе»

«ДЭНИ 2 мин. назад
Быстрее приходи – мы УМИРАЕМ ОТ ГОЛОДА!»

«ДЭНИ 1 мин. назад
Заблудился?:)»

Снова перевожу взгляд на дорогу. Видно ли сзади мерцание экрана?

Дисплей гаснет.

Снова опускаю руку, нажимаю кнопку «ВКЛ/ВЫКЛ» и очищаю экран. Ввожу четырехзначный пароль и нажимаю зеленую иконку «Сообщения». Дэниела у меня в самом начале списка, но как только я нажимаю кнопку, похититель сзади ерзает. Я хватаюсь за руль

обеими руками.

Поворот на Восемьдесят седьмую улицу, съезд через одну и девять десятых мили. Скринсейвер отключается автоматически, экран снова темнеет.

Вот же дерьмо!

Опять опускаю руку. Опять ввожу пароль. И, неуклюже тыча в кнопки указательным пальцем, начинаю набирать самый важный в жизни текст. На каждое слово тратится две, а то и три попытки. Автокорректор творит черт знает что.

В затылок упирается сталь.

От неожиданности выворачиваю на скоростную полосу.

– Ты что делаешь, Джейсон?

Кручу руль одной рукой, возвращаюсь на прежнюю полосу. Другой тянусь к телефону и нажимаю кнопку «отправить».

Похититель бросается вперед, между передних кресел. Рука в перчатке проскальзывает к коленям, хватает телефон.

– *«Поворот на Восемьдесят седьмую улицу, съезд через пятьсот футов».*

– Твой пароль, Джейсон? Назови мне его, – требует похититель. Я молчу. – Подожди-ка, дай угадать. Месяц и год рождения, только в обратном порядке, так? Попробуем... три-семь-два-один. Ну вот, так оно и есть!

Смотрю в зеркало – телефон включается, освещая маску. Незнакомец читает текст, отправить который он мне помешал:

– «Один-четыре-ноль-ноль Пуласки позвони девять-один...» Какой плохой мальчик!

Я спускаюсь на автостраду по съезду.

– *«Поверните влево на Восемьдесят седьмую улицу и продолжайте движение на восток – три и ноль восемь миль»*, – говорит навигатор.

Мы въезжаем в Южный Чикаго через район, делать в котором нам совершенно нечего.

Минуем выстроившиеся рядами производственные здания.

Жилые новостройки.

Пустые площадки с ржавеющими качелями и баскетбольными щитами без корзин.

Витрины магазинов прячутся на ночь за решетками.

Повсюду надписи и рисунки, метки той или иной банды.

– Так ты как ее называешь, Дэни или Дэниела? – спрашивает похититель.

К горлу подступает комок.

Внутри закипают ярость, страх и беспомощность.

– Джейсон, я задал вопрос.

– Пошел к черту.

Мужчина наклоняется, его шепот обжигает мне ухо:

– Не надо мне грубить. А то ведь сделаю так больно, как тебе в жизни не было. Ну, как ты ее называешь?

– Дэниела, – говорю я, скрипнув зубами.

– Не Дэни? На телефоне она под этим именем значится.

Может, дать газу и на полной скорости руль вправо...

– Редко, – говорю я. – Ей оно не нравится.

– Что в пакете?

– Зачем тебе знать, как я ее называю?

– Что в пакете?

– Мороженое.

– Семейный вечер, да?

– Да.

Смотрю в зеркало – он тычет пальцами в кнопки.

– Что тыпишешь?

Не отвечает.

Выезжаем из гетто и едем через ничейную землю, которая и на Чикаго-то не похожа. Город – просто светлое пятно на далеком горизонте. Дома здесь разваливаются, света в окнах нет. Все брошено. Никаких признаков жизни.

Проезжаем через реку. Впереди озеро Мичиган – его черная гладь смотрится достойным завершением этой урбанистической пустоши.

Впечатление такое, будто здесь заканчивается мир.

Мой мир, возможно, тоже.

– *«Поверните вправо и поезжайте на юг по Пуласки-драйв – ноль пять мили до места назначения».*

– Ха, у тебя проблемы с хозяйкой, – ухмыляется похититель. – Я сжимаю руль. – С кем это ты сегодня угощался виски, а, Джейсон? Снаружи было не разобрать.

Как же здесь темно, в этом пограничье между Чикаго и Индианой!

Проезжаем мимо развалин железнодорожных депо и заводов.

– Джейсон!

– Его зовут Райан Холдер. Он...

– Вы жили в одной комнате в общежитии.

– Откуда ты знаешь?

– Вы близко общаетесь? Я не вижу его в твоих контактах.

– Не особенно. Как ты...

– Я знаю о тебе почти все. Твоя жизнь – в некотором смысле моя специальность.

– Кто ты?

– *«До пункта назначения пятьсот футов».*

– Кто ты?

Незнакомец не отвечает, но и я уже не жду ответа – внимание привлекает все более глухой пейзаж.

Полотно плывет в свете фар «Линкольна».

Позади – пусто.

Впереди – пусто.

Слева – озеро, справа – заброшенные здания складов.

– *«Вы прибыли к месту назначения».*

Я останавливаю навигатор посередине дороги.

– Вход впереди и налево, – говорит похититель.

Лучи фар упираются в высокое, футов двенадцать, ограждение, увенчанное тиарой из ржавой колючей проволоки. Ворота приоткрыты. Соединявшая створки цепь валяется неподалеку, в придорожной траве.

– Давай, толкни их бампером.

Ворота открываются с протяжным скрипом, проникающим даже в почти звуконепроницаемый салон внедорожника. В конусах света видны остатки дороги и покрытие, потрескавшееся и покоробившееся за годы суровых чикагских зим.

Включаю дальние фары.

Свет скользит по парковочной площадке. Фонари валяются на земле, как рассыпанные спички.

Дальше темнеет силуэт какого-то вытянутого строения.

Кирпичный фасад изъеденного временем здания сторожат по флангам громадные цилиндрические цистерны и пара высоченных, в сотню футов, нацеленных в небо дымовых труб.

– Что это за место? – спрашиваю я.

– Паркуйся и выключай.

Я останавливаю, выключаю двигатель.

Мертвая тишина.

– Что за место? – снова спрашиваю я.

– У тебя какие планы на пятницу?

– То есть?

Резкий удар в голову, и я падаю, оглушенный, лицом на руль. В какой-то момент мелькает мысль, что это все.

Но нет, он всего лишь ударил меня рукояткой оружия.

Трогаю голову над виском. Пальцы нащупывают что-то липкое – кровь.

– Завтра, – говорит он. – Что у тебя намечено на завтра?

Завтра. Какое завтра?

– Я... Тест по физике в группе тридцать три – шестнадцать.

– Что еще?

– Всё.

– Раздевайся. Снимай всю одежду.

Я смотрю в зеркало.

Какого черта? Зачем я нужен ему голый?

– Если ты хотел что-то сделать, надо было делать, пока у тебя была машина. Теперь ты мой. Раздевайся. И не заставляй меня повторять, иначе получишь еще. Наешься крови.

Я расстегиваю ремень.

Расстегиваю серую толстовку, вытягиваю руки из рукавов.

Остается последняя надежда. Он в маске, а значит, не хочет, чтобы я видел лицо. Если бы планировал убить, его бы это не беспокоило. Он не опасался бы, что я смогу его опознать.

Ведь так?

Расстегиваю рубашку.

– Кроссовки тоже?

– *Всё.*

Разуваюсь. Стягиваю носки.

Снимаю слаксы и трусы.

Теперь вся моя одежда лежит кучкой на переднем сиденье.

Я чувствую себя совершенно беззащитным.

Нагота неуютна.

Постыдна.

Уж не попытается ли он изнасиловать меня? Не к этому ли все сведется?

Он кладет между сиденьями фонарик.

– Выходи из машины, Джейсон.

Я ловлю себя на том, что ощущаю салон «Линкольна» как своего рода спасательную шлюпку.

Пока я здесь, он меня не убьет.

Не захочет устраивать здесь бойню.

— Джейсон.

Дыхание сбивается, не хватает воздуха, в глазах темнеет.

— Я знаю, что ты думаешь, — говорит похититель. — И мне ничего не стоит разделаться с тобой в машине.

— Чуть, — выдавливаю я, задыхаясь от нехватки кислорода и чувствуя, что теряю сознание. — Ты не захочешь пачкать кровью салон.

Прихожу в себя — он подхватил меня под мышки и стаскивает с сиденья. Бросает на землю. Я сажусь, жду, пока прояснится в голове.

Вблизи озера всегда холоднее, и сегодня — не исключение. Ветер кусает обнаженное тело, уже покрывшееся гусиной кожей.

Тьма здесь такая, что звезд на небе впятеро больше, чем в городе.

Голова гудит. По щеке стекает свежая струйка крови. Но боли не чувствуется — организм закачал в кровь изрядную дозу адреналина.

Незнакомец бросает на землю один фонарик и направляет луч другого на рассыпающееся строение, которое я видел, когда проезжал ворота.

— После тебя.

Я подбираю фонарик. Поднимаюсь. Делаю шаг к зданию, наступая на мокрую газету. Обхожу смятые пивные банки, поблескивающие под лучом осколки стекла. Приближаясь к главному входу, я представляю эту заброшенную парковку в какую-то другую ночь. Начало зимы. Темно. Завесу падающего снега разрывают синие и красные вспышки. На развалинах толпятся детективы. Тут же разыскные собаки. Полицейские осматривают мой труп — голое, разложившееся тело. Патрульная машина перед моим городским домом на Логан-сквер. На часах два ночи, и Дэниела открывает дверь в ночном халате. Меня нет уже несколько недель, и в глубине души она понимает, что я уже не вернусь, и думает, что сжилась с этим страшным фактом, но, видя перед собой молодых полицейских с суровыми лицами, видя снежную пыль на их плечах и фуражках, которые они почтительно держат в руках, она чувствует, как внутри ломается что-то, остававшееся до сих пор целым. Колени слабеют, силы покидают ее, и она опускается на коврик перед дверью. За спиной у нее по скрипучим ступенькам спускается Чарли — у него усталые глаза и растрепанные волосы. «Это насчет папы?» — спрашивает он.

Мы приближаемся к зданию, и на темных кирпичах над входом проступает поблекшая надпись из двух слов. Все, что мне удастся разобрать, это «...КАГО ЭЛЕКТРО...».

Похититель толкает меня в пустой проем.

Луч фонарика пробегает по вестибюлю.

Мебель рассыпалась, остались только металлические каркасы.

Старый кулер.

Остатки костра.

Порезанный спальный мешок.

Использованные презервативы на покрытом плесенью полу.

Мы входим в длинный коридор.

Тьма такая, что без фонарика и протянутую руку было бы не видно.

Я останавливаюсь – посветить вперед, – но луч теряется в темноте.

Под ногами покоробленный линолеум. Мусора здесь меньше, а звуков вообще никаких, только глухой и далекий стон ветра снаружи, за стенами.

Чувствую, что замерзаю.

Похититель тычет дулом в почку, подталкивает вперед.

Может быть, в какой-то момент я привлек внимание психопата, решившего узнать обо мне все, прежде чем убить? Я часто сталкиваюсь с незнакомыми людьми. Может быть, мы перекинулись парой фраз в кофейне возле кампуса. Или в метро. Или за пивом в моем корнер-баре.

Есть ли у него планы насчет Дэниелы и Чарли?

– Хочешь услышать, как я прошу пощады? – ломким голосом спрашиваю я. – Если да, я сделаю все, что пожелаешь.

Самое страшное то, что это правда. Я готов на любое унижение. Готов сделать что угодно с любым другим. Готов почти на все – только бы он отвез меня в мой квартал, чтобы вечер продолжился, как и предполагалось: я бы вернулся домой, к семье, и принес им обещанное мороженое.

– Если что? – спрашивает незнакомец. – Если я тебя отпущу?

– Да.

Эхо его смеха рикошетом скачет по коридору.

– Боюсь даже представить, на что ты готов, чтобы выбраться из этого...

– Из чего этого?

Но ответа нет.

Я падаю на колени.

Фонарик катится по полу.

– Пожалуйста. Не делай этого. – Мой собственный голос звучит незнакомо, и я сам едва его узнаю. – Ты ведь можешь просто уйти. Не знаю, зачем тебе это нужно, но подумай сам. Я...

– Джейсон.

– ...люблю свою семью. Люблю жену. Люблю...

– Джейсон.

– ...сына.

– Джейсон!

– Я сделаю все!

Меня трясет – от холода, от страха, – и я ничего не могу с этим поделать.

Он бьет меня ногой в живот. Воздух с шумом вылетает из легких, и я валюсь на спину. Он грохается на меня сверху, сует дуло между губ, проталкивает в рот, в самое горло. Вонь от несвежего масла и углеродного осадка такая, что меня выворачивает наизнанку.

Секунду-другую я держусь, но потом все же изрыгаю на пол выпитое за вечер вино и виски. Он убирает оружие. Кричит:

– Встать!

Хватает меня за руку, рывком поднимает на ноги. Тычет в лицо револьвером. Сует в руку фонарик.

Я вижу перед собой маску. Свет падает на оружие.

Впервые за все время у меня есть возможность увидеть его вблизи. Об огнестрельном оружии я знал мало. Вижу только, что это револьвер – у него есть курок, барабан и дуло с

жутким отверстием, из которого вполне может вылететь смерть. В свете фонарика головка пули отликает медным блеском. Не знаю почему, но в голове возникает такая картина: незнакомец в крохотной комнатке заряжает револьвер, готовясь сделать то, что уже сделано.

Я умру здесь. Может быть, прямо сейчас.

Каждая секунда может стать последней.

– Шевелись! – рычит он.

Я иду.

Доходим до перекрестка и сворачиваем в другой коридор, сводчатый, повыше и пошире. Слышу, как где-то капает вода – *кап... кап... кап...* Стены бетонные, на полу не линолеум, а сырой мох, который с каждым шагом становится все гуще.

Ко вкусу оружейного масла во рту примешивается кисловатый привкус желчи.

Лицо начинает коченеть от холода.

Тоненький голосок в голове настойчиво требует сделать что-нибудь, что-то предпринять, попытаться... Не уподобляться овечке, покорно следующей на бойню. Не облегчать ему его задачу.

Но мне страшно.

Так страшно, что я едва держусь на ногах.

И мысли разбегаются.

Теперь я понимаю, почему жертвы не сопротивляются. Напасть на похитителя с расчетом одолеть его, попытаться бежать – этого я даже представить себе не могу.

К тому же, как ни стыдно в этом признаться, другой голос обреченно шепчет, что лучше бы все поскорее кончилось, потому что мертвые ни страха, ни боли не чувствуют. Следует ли из этого, что я трус? Неужели это и есть та последняя истина, с которой мне суждено умереть?

Нет.

Я должен что-то сделать.

Из туннеля мы выходим на какую-то металлическую, холодящую голые подошвы поверхность. Я хватаюсь за ржавые железные перила, которыми обнесена платформа. Холод чувствуется здесь сильнее, ощущение открытого пространства острее.

И, словно разбуженная таймером, над озером Мичиган медленно ползет желтая луна. Ее свет льется через верхние окна просторного помещения и помогает осмотреться без фонарика.

У меня захватывает дух.

Мы стоим на вершине открытого лестничного колодца футов в пятьдесят глубиной. Впечатление такое, что перед тобой картина маслом – извечный свет падает на расставленные в ряд сонные генераторы внизу и решетку двутавровых балок вверху.

Тихо, словно в соборе.

– Спускаемся, – говорит похититель. – Осторожнее. Смотри под ноги.

Мы идем вниз.

За две ступеньки до второй сверху площадки я резко поворачиваюсь, намертво зажав в руке фонарик, бью, метя в голову, и... попадаю в пустоту. Сила инерции увлекает меня за собой... я теряю равновесие и падаю.

Грохаюсь на площадку. Фонарик вылетает из пальцев и исчезает в темноте. Секундой позже я слышу, как он взрывается внизу, упав с высоты в сорок футов.

Похититель смотрит на меня, слегка наклонив набок голову, и целится в лицо. Потом

отводит курок и делает шаг вперед. Наступает коленом мне на грудь, прижимает к площадке, и я мычу от боли.

Дуло упирается в лоб.

– Должен признаться, я даже горжусь тобой за эту попытку. Так трогательно! Конечно, я просчитал тебя заранее, но, по крайней мере, ты пал, сражаясь.

Я вздрагиваю. Что-то жалит меня в шею.

– Не напрягайся, – говорит мужчина.

– Что ты ввел?

Раньше, чем он успевает ответить, что-то прорывает мой гемознцефалический барьер с неукротимой мощью летящей по трассе фуры. Я ощущаю одновременно невероятную тяжесть и необъяснимую легкость. Мир кружится и выворачивается наизнанку.

А потом все моментально проходит.

Другая игла впивается в ногу.

Я вскрикиваю, а похититель бросает оба шприца вниз.

– Идем.

– Что ты ввел?

– Вставай!

Цепляясь за поручень, поднимаюсь. Падение на площадку стоило разбитого в кровь колена. Рана на голове тоже кровоточит. Я грязный, я замерз, и зубы стучат так, что, кажется, вот-вот захрустят и раскрошатся.

Мы спускаемся, и хлипкая стальная конструкция дрожит под нашим весом. Вот и последняя ступенька. Идем вдоль старых генераторов.

Здесь, внизу, помещение выглядит совсем уж громадным. Наконец похититель останавливается и направляет свет на один из генераторов, возле которого стоит большая спортивная сумка.

– Новая одежда. Одевайся. Быстрее.

– Новая одежда? Я не...

– Тебе и не надо ничего понимать. Просто одевайся.

Сквозь тьму страха пробивается лучик надежды. Неужели все-таки пощадит? А иначе зачем заставлять меня одеваться? Неужели я все же выберусь из этой передрыги живым?

– Кто ты?

– Поторопись. У тебя мало времени.

Я опускаюсь на корточки перед сумкой.

– Утрись сначала.

Я беру лежащее сверху полотенце, вытираю грязь с ног, кровь с колена и лица. Надеваю трусы-«боксеры», натягиваю джинсы. Размер мой. Эффект того, что он ввел в меня, начинает сказываться – пальцы теряют ловкость, и я неуклюже вожусь с пуговицами на клетчатой рубашке. Легко всовываю ноги в дорогие кожаные туфли без шнурков. Они подходят так же идеально, как и джинсы.

Мне уже не холодно. В груди как будто появился источник тепла, которое расходится от него к ногам и рукам.

– Куртку, – командует похититель.

Я достаю со дна сумки черную кожаную куртку, всовываю руки в рукава.

– Отлично. А теперь садись.

Я сажусь у чугунного основания генератора, махины размером с двигатель локомотива.

Незнакомец садится напротив, небрежно направив револьвер в мою сторону.

Лунный свет заполняет помещение, отражаясь от разбитых стекол в окнах и падая на мотки кабеля, машины, трубы и инструментальные панели с потрескавшимися ручками и индикаторами.

Техника другого века.

– Что дальше? – спрашиваю я.

– Ждем.

– Чего?

Похититель отмахивается от вопроса.

Какое-то странное спокойствие овладевает мной. Совершенно неуместное умиротворение.

– Ты привез меня сюда, чтобы убить? – спрашиваю я.

– Нет.

Мне покойно и уютно. Прислонившись к генератору, я как будто сливаюсь с ним.

– Но ты сделал так, что я поверил в это.

– По-другому не получалось.

– Не получалось что?

– Доставить тебя сюда.

– И зачем мы здесь?

Он качает головой и при этом тянется левой рукой под маску гейши и почесывает подбородок.

И снова какое-то странное ощущение. Как будто я одновременно смотрю фильм и участвую в нем.

Сонливость, сопротивляться которой я не в состоянии, тянет веки вниз.

Голова падает.

– Не сопротивляйся, – говорит похититель.

Но я сопротивляюсь. Как странно, что он так быстро изменился! Странно и тревожно. Его как будто подменили, и это несоответствие его теперешнего поведения и недавней жестокости должно настораживать. Успокаиваться нельзя, говорю я себе, но тело уже мурлычет колыбельную.

– Путь был долог, – словно исповедуясь, говорит он. – До сих пор не могу поверить, что сижу здесь и действительно смотрю на тебя. Разговариваю с тобой. Знаю, ты не понимаешь, но мне о многом хочется тебя расспросить.

– О чем?

– Каково оно – быть тобой?

– Что ты имеешь в виду?

Мужчина как будто колеблется.

– Твое место в мире, Джейсон, как ты его воспринимаешь?

– Интересный вопрос, учитывая, какой вечерок ты мне устроил, – медленно и взвешенно говорю я.

– Ты счастлив?

На фоне этого момента моя жизнь выглядит до боли прекрасной.

– У меня потрясающая семья. Достойная работа. Мы хорошо устроились. Все здоровы. – Язык как будто распух и ворочается с трудом. – Я доволен своей жизнью. Просто она не исключительная. А могла бы быть...

– Ты сам погубил собственное честолюбие, ведь так?

– Оно скончалось в результате естественных причин. Вследствие забвения и по недосмотру.

– И ты знаешь, как именно это случилось? Был ли в твоей жизни момент, когда...

– Мой сын. Мне было двадцать семь. Мы с Дэниелой встречались несколько месяцев. Она сказала, что забеременела. Нам было хорошо вместе, но любви не было. А может, была. Но начинать семейную жизнь мы точно не планировали.

– Однако же получилось по-другому.

– Для ученого этот возраст, ближе к тридцати, критический. Если не успел опубликовать что-нибудь значительное, тебя списывают со счета.

Не знаю, что он там мне вколол, но мне хочется поговорить. После двух часов безумия и ада я как будто попал в оазис. Знаю, это ерунда, но меня не оставляет чувство, что пока мы разговариваем, ничего плохого не случится. Что слова неким образом защищают меня.

– А у тебя намечалось что-нибудь значительное? – спрашивает он.

Удерживать веки становится все труднее, приходится напрягаться.

– Да.

– И что?

Его голос доносится как будто издалека.

– Я работал над созданием квантовой суперпозиции объекта, видимого человеческим глазом, – отвечаю я.

– И почему ты забросил исследования?

– В первый год жизни у Чарли были большие проблемы по медицинской части. Мне требовалась тысяча часов в «чистой комнате», но времени не хватало. Я был нужен Дэниеле. Нужен сыну. Меня лишили финансирования. Исследования застопорились. Я был молод, гений-выскочка, – но когда потерял темп, мое место занял кто-то другой.

– Жалеешь, что решил тогда остаться с Дэниелой и зажить семейной жизнью?

– Нет.

– Ни разу не пожалел?

Я думаю о Дэниеле, и эмоции взмываются с новой силой, подстегнутые ужасом от происходящего. Страх возвращается – и с ним боль по дому. Боль такая, что режет до кости. В этот миг моя жена нужна мне больше, чем что-либо другое.

– Ни разу.

В следующий момент я уже лежу на полу, уткнувшись лицом в стылый бетон, и неведомый наркотик уносит меня в неведомое.

Похититель опускается рядом со мной на колени, переворачивает на спину, и я смотрю на высокие окна, через которые в это заброшенное здание вливается лунный свет. Тьма морщинится разноцветными бликами, вихрящиеся пустоты за генераторами открываются и закрываются.

– Я увижу ее? – спрашиваю я.

– Не знаю.

Я снова, в миллионный раз, хочу спросить, что ему нужно от меня, но не могу найти слов.

Глаза закрываются. Я сопротивляюсь, но исход этого сражения предрешен.

Он стягивает перчатку и касается моего лица голой рукой.

Касается как-то странно.

Нежно.

– Слушай меня, – говорит он. – Будет страшно, но ты сможешь, ты справишься. У тебя будет все, чего никогда не было. Мне жаль, что пришлось тебя припугнуть, но я должен был доставить тебя сюда. Извини, Джейсон. Я делаю это ради нас обоих.

«*Кто ты?*» – спрашиваю я одними губами.

Вместо ответа похититель опускает руку в карман и достает еще один шприц и крохотную стеклянную ампулу с прозрачной жидкостью, сияющей в лунном свете, как ртуть.

Он снимает колпачок с иглки, набирает содержимое ампулы в шприц...

Веки опускаются, но я еще вижу, как он закатывает рукав на своей левой руке и делает укол, а потом бросает шприц и ампулу на бетонный пол между нами. Последнее, что я вижу, прежде чем закрываются глаза, это катящуюся к моему лицу ампулу.

– И что теперь? – шепчу я.

– Ты бы не поверил, даже если б я рассказал, – говорит он.

Кто-то крепко держит меня за лодыжки.

Руки скользят выше, к подмышкам.

– Как он вышел из бокса? – спрашивает женщина.

Ей отвечает мужчина:

– Понятия не имею. Смотри, он приходит в себя.

Я открываю глаза, но вижу только свет и какое-то смазанное движение.

– Ну же, вытаскиваем его отсюда! – рявкает мужчина.

Пытаюсь заговорить, но слова вываливаются изо рта искаженными до неузнаваемости.

– Доктор Дессен? – обращается ко мне женщина. – Вы меня слышите? Мы перекладываем вас на каталку.

Я смотрю туда, где у меня ноги. Из неясного пятна проступает мужское лицо за козырьком алюминизированного защитного костюма с автономным дыхательным аппаратом.

Глядя на женщину у меня за спиной, он говорит:

– Раз... два... три...

Они поднимают меня, кладут на каталку и застегивают на лодыжках и запястьях ремни.

– Для вашей же безопасности, доктор Дессен.

Смотрю на бегущий надо мной, футак в сорока или пятидесяти, потолок.

Где я? В каком-то ангаре?

В просвете памяти мелькает шприц... игла втыкается в шею. Мне что-то ввели. Все происходящее – безумная галлюцинация.

Где-то рядом пищит рация.

– Эвакуационная команда, доложите. Прием.

Отвечает женщина. В ее голосе явно слышится волнение:

– Дессен у нас. Возвращаемся. Прием.

Слышу скрип колесиков.

– Понял. В каком состоянии? Прием.

Рука в перчатке включает похожий на кардиомонитор прибор, прилепленный к моему левому плечу.

– Частота пульса – сто пятнадцать. Кровяное давление – сто сорок на девяносто два. Температура – девяносто восемь и девять. Индекс сатурации – девяносто пять процентов. Гамма – ноль восемьдесят семь. Расчетное время прибытия – тридцать секунд. Конец связи.

Я вздрагиваю от жужжащего звука.

Минуем пару медленно открывающихся, похожих на бункерные дверей.

Господи...

Спокойно. Это не наяву.

Колесики бегут быстрее и скрипят все пронзительнее, все настойчивее.

Мы в коридоре, стены которого отделаны пластиком. В глаза бьет свет от флуоресцентных ламп. Я щурюсь. Двери за нами захлопываются с каким-то зловещим металлическим звуком, словно ворота крепости.

Меня доставляют в операционную и подкатывают к стоящему под хирургическими светильниками человеку внушительной комплекции в пневмокостюме. Лицо его за защитным щитком расплывается в улыбке, как будто он меня знает.

– С возвращением, Джейсон. Мои поздравления. Молодчина.

Я вижу только его глаза, но никого из знакомых они мне не напоминают.

– Болевые ощущения? – спрашивает он.

Я качаю головой.

– Знаешь, откуда у тебя царапины и синяки на лице?

Я киваю.

– Знаешь, где находишься?

Снова качаю головой.

– Узнаешь меня?

Показываю, что нет.

– Меня зовут Лейтон Вэнс. Я – главный по административной и медицинской части. Мы – коллеги и друзья. Мне нужно снять с тебя эту одежду. – Он отцепляет контрольно-измерительное устройство, берет хирургические ножницы, разрезает джинсы и трусы и бросает их на металлический поддон. Потом принимается за рубашку. Я смотрю на лампы и стараюсь не поддаваться панике.

Но как не паниковать, если ты голый и пристегнут к каталке!

Нет, напоминаю я себе. У меня *галлюцинации*. Мне только кажется, что я голый и пристегнут к каталке. Это все ненастоящее.

Лейтон поднимает поддон с моими туфлями и одеждой и передает кому-то, кого я не вижу.

– Проверьте всё.

Торопливые удаляющиеся шаги.

Чувствую резкий запах изопропилового спирта, а секундой позже Лейтон протирает участок кожи у меня под мышкой.

– Возьмем немного крови. – Он накладывает жгут над локтем и берет с инструментального столика шприц для подкожных инъекций.

Дело свое Вэнс знает – я даже не чувствую укола.

Закончив, он отвозит каталку к дальней стене операционной со стеклянной дверью и сенсорной панелью рядом с ней.

– Не могу сказать, что сейчас тебя ждет самое интересное. Если ты дезориентирован и не помнишь, что сейчас будет, то это, наверное, к лучшему.

Пытаюсь спросить, что же сейчас будет, но слова не даются, ускользают. Лейтон пробегает пальцами по экрану. Стеклянная дверь открывается, и он вкатывает меня в комнату, где едва помещается сама каталка.

– Девяносто секунд. Все будет хорошо. Из подопытных еще никто не умер.

Шипит пневматика. Дверь закрывается.

Я вытягиваю шею.

Утопленные в потолке лампы испускают холодный голубой свет.

На стенах по обе стороны от меня какие-то хитроумные апертуры.

Легкий, суперхолодный туман опускается с потолка невесомой дымкой и покрывает меня с головы до ног.

Я невольно напрягаюсь. Выпавшие на коже капельки замерзают. Меня трясет от холода, а между тем стены палаты начинают тихонько жужжать и гудеть. Из отверстий с шипением вытекает белый пар.

Шипение усиливается.

Пар хлещет потоком.

А потом как будто выстреливает.

Две противоположных струи бьют одна в другую над каталкой. Густой туман застилает верхний свет. Там, где туман касается кожи, замерзшие капли взрываются.

Вентиляторы включаются на обратный ход.

Секунд через пять весь газ из камеры откачан. Остается только странный запах, напоминающий тот, что бывает в летний день перед самой грозой, – сухой молнии и озона.

Результат взаимодействия газа и суперохлажденной жидкости – шипящая и обжигающая, как кислотная ванна, пена на коже.

Я фыркаю и храплю, дергаю крепления. Сколько же это будет продолжаться? Болевой порог у меня высокий – так и убить недолго.

Мысли проносятся со скоростью света.

Какой же наркотик способен создавать галлюцинации и боль на столь впечатляющем уровне ясности? Как будто наяву!

А если это действительно наяву и происходит со мной сейчас?

Что, если это какие-то штучки ЦРУ? Что, если я в секретной клинике, где проводят опыты над людьми? Что, если для этого меня и похитили?

Чудесная, восхитительно теплая вода бьет из потолка, словно из пожарного шланга, смывая терзающую меня пену.

Затем вода отключается, и из отверстий с ревом вырывается горячий воздух, обжигающий кожу, словно знойный ветер пустыни.

Боль уходит.

Я бодр и свеж.

Дверь открывается. Каталка выкатывается.

Лейтон Вэнс смотрит на меня сверху вниз.

– Неплохо, да? – Он везет меня через операционную в соседнюю комнату, расстегивает крепления на лодыжках и запястьях и помогает сесть.

В первую секунду голова идет кругом, но потом мир все же останавливается.

Лейтон пристально смотрит на меня.

– Легче?

Я киваю.

В палате есть кровать и тумбочка с аккуратно сложенной стопкой одежды. Стены обиты каким-то мягким материалом. Острых кромок не видно. Я подвигаюсь к краю каталки. Вэнс берет меня за локоть и помогает подняться.

Ноги как будто резиновые. Мы идем к кровати.

– Я тебя оставлю. Одевайся. Вернись, когда результаты будут готовы. Это недолго. Ну, как? Ничего, что я выйду на минутку?

Голос наконец возвращается ко мне:

– Я не понимаю, что происходит. Не знаю, где я...

– Дезориентация пройдет. Я сам буду это отслеживать. Мы поможем тебе пройти эту стадию.

Лейтон ведет каталку к двери, но у порога останавливается, оглядывается и смотрит на меня через щиток.

– Честно, брат, очень рад тебя видеть. Наверное, так же чувствовали себя ребята в Центре управления после возвращения «Аполлона-тринадцать». Мы все гордимся тобой.

Все три ригеля выстреливают в цель – как короткий тройной залп.

Я встаю с кровати и, с трудом передвигая ноги, иду к тумбочке.

Из-за слабости одеваюсь медленно. На то, чтобы натянуть льняную рубашку и слаксы, уходит несколько минут. Ремня в брюках нет.

Над дверью камера наблюдения.

Возвращаюсь к кровати. Сажусь. Сажу в стерильной, звуконепроницаемой палате, пытаюсь вызвать последнее не вызывающее сомнений воспоминание. Первая же попытка – и я как будто проваливаюсь в яму в десяти футах от берега. Кусочки воспоминаний разбросаны неподалеку, и я вижу их, я почти дотрагиваюсь до них, но легкие наполняются водой. Я не могу удержать голову над поверхностью. И чем сильнее напрягаюсь, чем больше энергии трачу, тем больше паникую, тем больше суечусь.

Я сижу в белой комнате с эластичными стенами, и все, что у меня есть, это...

Телониус Монк.

Запах красного вина.

Лук, который я режу в кухне.

Подросток с альбомом для рисования.

Стоп.

Это не просто подросток.

Это мой сын.

И кухня не просто кухня, а *моя* кухня.

Мой дом.

Был семейный вечер. Мы готовили вместе. Я вижу улыбку своей жены. Слышу ее голос, слышу джаз. Чувствую запах лука, кисловатый вкус вина в дыхании Дэниелы. Вижу блеск в ее глазах. Какое спокойное и уютное место – наша кухня в семейный вечер. Но я не остался там. Я почему-то ушел. Почему?

Сейчас, вот сейчас я вспомню...

Замок снова щелкает, дает новый залп, и дверь открывается. Лейтон сменил защитный костюм на классический лабораторный халат. Остановившись на пороге, он улыбается с таким довольным видом, как будто из последних сил удерживает крышку на фонтане предвкушения. Теперь я вижу, что он примерно одного со мной возраста, аристократично симпатичен, а его лицо украшает консервативная, с проблесками седины щетина.

– Хорошие новости, – сообщает он. – Ты чист.

– Чист от чего?

– Радиоактивное облучение, биологическое заражение, инфекционные заболевания. Полные результаты анализа крови будут готовы утром, но карантин можно снять уже сейчас. И... да. Это тебе.

Он передает мне пластиковый пакет с ключами и пачку денег, скрепленную зажимом. На полоске прилепленной к нему клейкой ленты черным маркером написано «Джейсон Дессен».

– Ну, идем? Тебя все ждут.

Я кладу в карман пакет с моими личными вещами и следом за Лейтоном выхожу из палаты и иду через операционную.

В коридоре несколько рабочих расставляют пластиковые столы. Увидев меня, они начинают аплодировать, а какая-то женщина кричит:

– Ты крут, Дессен!

Стеклянные створки расходятся при нашем приближении.

Силы и уверенность постепенно возвращаются.

Мы подходим к лестнице, поднимаемся по дребезжащим металлическим ступенькам.

– Все хорошо? – спрашивает Вэнс.

– Да. Куда мы идем?

– На дебрифинг^[4].

– Но я даже не...

– Тебе лучше придержать свои мысли до интервью. Сам знаешь, протокол и все прочее.

Еще два лестничных пролета, и мой спутник открывает стеклянную дверь в дюйм толщиной. Мы входим в еще один коридор с высокими, от пола до потолка, окнами. За окнами виден ангар, окруженный, наподобие атриума, четырехуровневыми коридорами.

Я ступаю к окну – осмотреться получше, – но Лейтон направляет меня ко второй двери слева, и мы оказываемся в тускло освещенной комнате. За столом, словно ожидая нас, стоит женщина в черном брючном костюме.

– Привет, Джейсон.

– Привет.

Она замечает мой растерянный взгляд, и в этот момент Вэнс вешает на мою левую руку мониторинговое устройство.

– Ты ведь не против? – спрашивает он. – Я буду чувствовать себя спокойнее, если прослежу за твоими жизненными показателями чуточку дольше. Скоро все закончится.

Затем Лейтон легонько подталкивает меня вперед.

Я слышу, как за спиной закрывается дверь.

Женщине лет сорок с небольшим. Невысокая, волосы черные, челка почти касается ресниц над изумительными глазами, одновременно добрыми и пронзительными.

Свет в комнате мягкий, приглушенный, как в кинозале за несколько секунд до начала фильма.

У стола два деревянных стула с прямыми спинками, на приставном столике – лэптоп, кувшин с водой, два стакана, стальной графин и дымящаяся чашка, наполняющая комнату ароматом хорошего кофе.

Стены и потолок из дымчатого стекла.

– Садись, Джейсон, и начнем.

Я стою еще пять долгих секунд, решая, не лучше ли просто выйти отсюда. Но что-то подсказывает, что эта идея – плохая, может быть, катастрофическая. Поэтому я сажусь, беру кувшин и наливаю себе стакан воды.

– Если проголодался, можно принести что-нибудь, – говорит женщина.

– Спасибо, не надо.

Незнакомка наконец садится напротив меня, сдвигает очки на переносицу и печатает что-то на лэптопе. Смотрит на часы.

– Сейчас двенадцать часов семь минут ночи, второе октября. Я – Аманда Лукас, идентификационный номер девять-пять-шесть-семь, и сегодня со мной... – Она кивает мне.

– Э... Джейсон Дессен.

– Спасибо, Джейсон. В качестве вступления и для протокола, первого октября, приблизительно в десять пятьдесят девять пополудни, техник Чэд Ходж, проводя предусмотренный расписанием осмотр, обнаружил доктора Дессена лежащим без сознания на полу ангара. Вызванная эвакуационная команда доставила доктора Дессена в карантин в

одиннадцать двадцать четыре пополудни. После процедуры деконтаминации и первичной обработки, проведенной доктором Лейтоном Вэнсом, доктор Дессен препровожден в конференц-зал на подземном уровне два, где и начинается наше первое интервью.

Она смотрит на меня и улыбается.

— Джейсон, мы все так рады, что ты вернулся! Время позднее, но бóльшая часть команды примчалась по такому случаю из города. И как ты легко можешь догадаться, они все смотрят на тебя из-за стекла.

Зал взрывается аплодисментами и приветственными возгласами. Некоторые выкрикивают мое имя.

Загорается свет.

Перед расставленными, как в театре, стульями застекленная кабинка. Человек пятнадцать-двадцать, все на ногах, большинство улыбаются, а некоторые даже вытирают глаза, словно я вернулся из какой-то героической экспедиции.

Замечаю, что двое вооружены — рукоятки пистолетов поблескивают в ярком свете. Эти двое не улыбаются и не хлопают.

Аманда отодвигает стул, поднимается и аплодирует вместе с остальными. Похоже, она тронута не меньше других.

У меня же в голове бьется одна мысль. Что, черт возьми, со мной случилось?

Аплодисменты наконец стихают. Лукас снова садится.

— Извини за столь шумный прием, но пока ты единственный, кто вернулся.

Что она имеет в виду? О чем говорит? Не представляю. Мне и хочется признаться в этом, но голос в голове говорит, что лучше не спешить.

Свет снова гаснет.

Я сжимаю стакан, словно это спасательный канат.

— Знаешь, сколько ты отсутствовал? — спрашивает Аманда.

Отсутствовал?

— Нет.

— Четырнадцать месяцев.

Господи!

— Удивлен?

— Да, можно и так сказать.

— Поволноваться пришлось. Мы больше года ждали того момента, когда сможем задать тебе эти вопросы. Что ты видел? Где был? Как вернулся? Расскажи нам. И пожалуйста, с самого начала.

Отпиваю глоток воды, цепляясь за последнее воспоминание, как за крошащийся над обрывом камень...

Выхожу из дома...

А потом...

Прохладный осенний вечер. Я иду по тротуару. Во всех барах смотрят тот бейсбольный матч.

Куда?

Куда я шел?

— Не спеши, Джейсон. Мы не торопимся.

Райан Холдер.

Я хотел повидаться с ним.

Пришел в «Виллидж тэп». Выпил – кстати, скотч был первоклассный – со старым колледжским приятелем.

Неужели он как-то причастен ко всему этому?

И снова вопрос: это все всамделишное?

Поднимаю стакан с водой. Выглядит как настоящий. Я вижу капельки на стекле, ощущаю холодную влажность подушечками пальцев.

Я смотрю Аманде в глаза.

Наблюдаю за стенами.

Они не растекаются.

Если это наркотический приход, то, надо признать, о таком мне даже слышать не доводилось. Никаких искажений – ни слуховых, ни зрительных. Никакой эйфории. И не сказать, что это место не ощущается реальным. Просто я не должен здесь быть. Не могу объяснить, но мое присутствие здесь – фальшивка. Я даже не уверен, что это значит, но чувствую... чувствую всем своим существом.

Нет, это не галлюцинация. Это что-то совсем другое.

– Что ж, попробуем иной подход, – говорит Аманда. – Что последнее ты помнишь перед пробуждением в ангаре?

– Я был в баре.

– Что ты там делал?

– Встречался со старым приятелем.

– Где находится этот бар?

– На Логан-сквер.

– Значит, ты был в Чикаго.

– Да.

– О'кей. Ты можешь описать...

Голос Аманды срывается в тишину.

Я вижу Эл.

Темно.

Тихо.

Слишком тихо для Чикаго.

Кто-то идет.

Кто-то с недобрыми мыслями.

Сердце набирает ход.

Потеют ладони.

Ставлю стакан на стол.

– Джейсон, Лейтон говорит, что твои показатели жизненных функций повышаются.

Голос вернулся, но звучит как будто из-за океана.

Какой-то трюк?

Что со мной делают?

Нет, ни о чем ее не спрашивай. Не произноси эти слова. Будь тем, за кого тебя принимают. Эти люди спокойны, решительны, и *двое из них вооружены*. Говори то, что от тебя хотят услышать. Потому что если они поймут, что ты не тот, кем они тебя считают, то...

То что?

А то, что тогда, возможно, ты никогда отсюда не выберешься.

В голове пульсирует боль. Я поднимаю голову, ощупываю затылок и нахожу шишку, одно

лишь прикосновение к которой отзывалось болью.

– Джейсон? – зовет меня Лукас.

Меня избили?

На меня напали? Что, если меня привезли сюда? Что, если все эти люди, какими бы приятными они ни казались, на самом деле заодно с тем, кто ударил меня по голове?

Ядвигаю руку дальше и нащупываю след от второго удара.

– Джейсон?

Вижу маску гейши.

Я – голый и беспомощный.

– Джейсон.

Всего лишь несколько часов назад я был дома, готовил обед.

Я не тот, за кого они меня принимают. Что будет, когда и они это поймут?

– Лейтон, подойди, пожалуйста.

Ничего хорошего.

Мне нельзя оставаться в этой комнате.

Мне нельзя оставаться с этими людьми.

Надо все обдумать.

– Аманда. – Я возвращаюсь в настоящее, стараясь выбросить из головы тревожные вопросы и отогнать страх, но дело это безнадежное. С таким же успехом можно пытаться удержать рушащуюся плотину. Надолго тебя не хватит. – Неудобно говорить, но я сильно устал, и, сказать по правде, деконтаминация прошла не совсем так, как хотелось бы.

– Сделаем перерыв?

– Если можно. Мне надо прийти в себя. – Я указываю на лэптоп. – Не хочу выглядеть дикарем на этой штуке.

– Конечно. – Женщина печатает что-то. – Запись прекращена.

Я поднимаюсь.

– Могу проводить тебя в туалет...

– В этом нет необходимости.

Я открываю дверь и выхожу в коридор. Там меня ждет Лейтон Вэнс.

– Джейсон, тебе бы лучше прилечь. Твои показатели фиксируют совсем не то...

Я срываю с руки мониторинговый прибор и возвращаю доктору.

– Ценю вашу заботу, но куда больше мне сейчас нужна ванна.

– О... Да, конечно. Я тебя отведу.

Мы идем по коридору.

Открыв плечом тяжелую стеклянную дверь, Лейтон снова ведет меня к лестнице, где в этот момент никого нет. Здесь тихо, и только вентиляционная система гонит теплый воздух через ближайшую отдушину. Я перегибаюсь через перила.

Два пролета вниз и два пролета вверх.

Что там сказала Аманда в начале интервью? Что мы на втором подуровне? Понимать ли это так, что здесь все под землей?

– Джейсон? Ты идешь?

Я тащусь за Лейтоном вверх, преодолевая слабость в ногах, сопротивляясь боли в голове.

Наверху рядом с армированной сталью дверью замечаю табличку – НУЛЕВОЙ УРОВЕНЬ. Вэнс проводит смарт-картой по ридеру, набирает код и открывает дверь.

На стене передо мной большими буквами выложено ЛАБОРАТОРИЯ «СКОРОСТЬ».

Слева – лифты.

Справа – контрольно-пропускной пункт с суровым на вид охранником, стоящим между металлодетектором и турникетом перед выходом. Похоже, система безопасности ориентировалась больше на входящих, чем на выходящих.

Лейтон ведет меня мимо лифтов и дальше по коридору к двойным дверям в дальнем конце, которые он тоже открывает картой. Мы входим. Мой спутник включает свет, и я вижу хорошо оборудованный офис, стены которого украшены фотографиями коммерческих лайнеров, военных сверхзвуковых самолетов и могучих двигателей.

Мое внимание привлекает фотография в рамке на столе – пожилой мужчина держит на руках мальчика, в чертах которого угадывается Лейтон. Стоят они в ангаре перед громадным, еще не собранным до конца турбовентилятором.

– Подумал, что тебе будет комфортнее в моей ванной. – Вэнс указывает на дверь в дальнем углу и, присев на край стола, достает из кармана телефон. – Я буду здесь. Если что понадобится – крикни.

Ванная. Безупречно чистая – ни пятнышка. И холодная. Тут же туалет и душевая кабина. Одно маленькое окно на задней стене.

Я сажусь на унитаз.

Грудь сжимает так, что не продохнуть.

Они ждали моего возвращения четырнадцать месяцев. И уйти отсюда просто так, конечно, не дадут. По крайней мере, не сегодня. А может быть, и очень-очень долго, учитывая, что я не тот, за кого меня здесь принимают.

Если только это не какой-то заумный тест или розыгрыш.

Из-за двери доносится голос Лейтона:

– У тебя там всё в порядке?

– Да.

– Не знаю, что ты там видел, внутри этой штуки, но знай – я здесь, чтобы помочь тебе. Если почувствуешь, что что-то не так, скажи мне.

Поднимаюсь.

– Я наблюдал за тобой со стороны и должен сказать: выглядел ты так, словно с луны свалился, – продолжает Вэнс.

Если мы выйдем вместе в коридор, смогу ли я оторваться от него и проскочить мимо охранника? Представляю громилу между металлодетектором и турникетом. Скорее всего, не получится.

– Полагаю, в физическом плане ты восстановишься, но вот твое психологическое состояние вызывает беспокойство.

Чтобы дотянуться до окна, приходится встать на фарфоровый унитаз. В закрытом положении окно удерживают рычажки – по одному с каждой стороны. Оно маленькое, два на два фута, и я вовсе не уверен, что смогу вылезти через него. Голос Лейтона эхом разносится по ванной. Я крадусь к раковине, и слова звучат отчетливее:

– ...хуже всего, если ты попытаешься справиться со всем этим в одиночку, собственными силами. Давай начистоту. Ты ведь из тех парней, которые считают, что могут всё.

Я подхожу к двери.

Ригель. Дрожащими пальцами медленно поворачиваю цилиндр.

– Что бы ты ни чувствовал, ты должен поделиться этим со мной. – Голос совсем близко, в нескольких дюймах от меня. – Если потребуется, мы можем перенести дебрифинг на завтра или даже на...

Ригель тихонько щелкает, и Лейтон умолкает.

Секунду-другую ничего не происходит.

Я осторожно отступаю от двери.

Дверь едва заметно вздрагивает, а потом отчаянно трясется в раме.

– Джейсон! Джейсон!

Пауза, а потом:

– Служба безопасности? Пришлите группу в мой офис. Немедленно! Дессен заперся в ванной.

Дверь снова вздрагивает – Вэнс, по-видимому, бросается на нее всем весом, – но замок держит.

Я шагаю к окну, забираюсь на унитаз и поворачиваю рычажки по обе стороны стекла.

Лейтон кричит на кого-то. Слов не разобрать, но слышатся торопливые, приближающиеся шаги.

Окно открывается.

В ванную потоком устремляется ночной воздух.

Даже встав на унитаз, я не уверен, что у меня получится. Прыгаю, хватаюсь за раму, подтягиваюсь, но руку удается просунуть только одну.

В дверь бьют чем-то тяжелым. Подошвы скользят по гладкой вертикальной поверхности. Зацепиться не за что.

Я падаю на пол, поднимаюсь и снова встаю на унитаз.

– Быстрее! – кричит кому-то Лейтон.

Прыгаю еще раз. На этот раз мне удастся ухватиться за раму обеими руками, подтянуться и втиснуться в оконный проем.

Я извиваюсь, проталкиваюсь дальше и дальше. За спиной распахивается дверь. Вэнс влетает в ванную.

Я падаю в темноту. И грохаюсь на тротуар.

Встаю. Оглушенный, растерянный, в ушах звенит, по щеке струйкой стекает кровь.

Я в каком-то темном переулке между двумя зданиями.

В окне надо мной появляется Лейтон.

– Джейсон, не делай этого! Позволь мне помочь тебе!

Я поворачиваюсь и бегу, не представляя куда – просто несусь к выходу из переулочка.

Вот и он.

Слетаю по каменным ступенькам. И оказываюсь в офис-парке.

Несколько безликих, малоэтажных зданий теснятся вокруг унылого озерца с подсвеченным фонтаном посередине.

Вокруг ни души, что, в общем-то, неудивительно, учитывая поздний час.

Я пробегаю мимо скамеек, аккуратно постриженных кустиков, беседки, указателя со стрелой под словами «К ПЕШЕХОДНОЙ ДОРОЖКЕ».

Оглядываюсь на здание, из которого только что сбежал, – невзрачная пятиэтажка, архитектурная посредственность, и люди вылетают из него, как пчелы из потревоженного улья.

Обойдя пруд, перехожу с тротуара на пешеходную дорожку.

Пот щиплет глаза, легкие горят, но я упрямо заставляю себя не останавливаться. И с каждым шагом огни офис-парка отступают дальше и дальше.

Впереди ничего, кроме так нужной мне сейчас темноты, и я спешу к ней, словно ищу спасения.

Сильный, ободряющий ветер бьет в лицо, и я начинаю задумываться. Разве где-то не должно быть света? Хотя бы огонька? Но и задавая себе вопросы, я не останавливаюсь. Бегу и бегу, в гущу беспросветной бездны тьмы.

Слышу волны.

Я на берегу.

Луны нет, но звезд вполне достаточно, чтобы понять – передо мной волнующаяся ширь озера Мичиган.

Смотрю в сторону офис-парка. Сквозь ветер прорываются отрывистые голоса, кое-где темноту режут лучи фонариков.

Я поворачиваю на север и снова бегу. Под ногами хрустят отполированные водой камешки. Далеко впереди неясное, ночное мерцание города, подступающего небоскребами к самой воде.

Снова оглядываюсь. Какие-то огоньки движутся на юг, в противоположную от меня сторону, какие-то – на север.

И они приближаются.

Сворачиваю от воды, пересекаю велосипедную дорожку и беру курс на стену кустов.

Голоса ближе.

Заметят или не заметят они меня в такой темноте?

На моем пути возникает мол в три фута высотой. Я перелезаю через него, обдирая лодыжки о шершавый бетон, и на четвереньках пробираюсь через кусты. Ветки цепляются за рубашку, лезут в глаза.

Вывавшись из кустов, вылетаю на середину дороги, идущей параллельно берегу озера.

Со стороны офис-парка доносится рев мотора. Дальний свет бьет в глаза.

Я перебегаю дорогу, переваливаюсь через проволочный забор и вдруг оказываюсь в чьем-то саду, где едва не натыкаюсь на брошенные велосипеды и скейтборды. В доме заходится лаем собака. В окнах вспыхивает свет. Я попадаю в задний двор, перелезаю через еще один забор, пробегаю по баскетбольной площадке.

Надолго ли хватит сил?

Ответ не заставляет себя ждать.

Ноги подкашиваются, и я, обливаясь потом, падаю на краю площадки. Мышцы дрожат от напряжения.

Вдалеке лает собака, но, оглянувшись в сторону озера, я не вижу лучей фонариков, не слышу голосов.

Я лежу там – не знаю, как долго. Проходят, кажется, часы, прежде чем дыхание успокаивается и мне удастся наконец сесть.

Ночь холодная, и ветер с озера, проносясь между деревьями, бросает на площадку осенние листья.

Заставляю себя подняться. Хочется пить. Несмотря на усталость, я пытаюсь проанализировать события последних четырех часов, но мои умственные ресурсы истощены.

За баскетбольной площадкой начинается рабочий район Саут-сайд.

Улицы пустынные.

Квартал за кварталом притихших, молчаливых домов.

Пройдя мило или чуть больше, я останавливаюсь на перекрестке в деловой части города. Смотрю на светофоры – огоньки надо мной бегают по кругу в ускоренном ночном режиме.

Прохожу пару кварталов. Никаких признаков жизни, кроме пивнушки на другой стороне улицы. В окнах – светящиеся вывески трех популярных пивных брендов. Завсегдатаи вываливаются из заведения в облаке дыма. За громкими голосами ловлю звук мотора. Вдалеке появляется такси, первое за последние двадцать минут.

Светящаяся табличка с надписью «НЕ ОБСЛУЖИВАЮ».

Я ступаю на проезжую часть и попадаю в свет фар. Машу руками. Такси замедляет ход, пытается объехать меня, но я снова встаю у него на пути. Водитель останавливается, опускает стекло и сердито кричит:

– Ты что себе думаешь?

– Подвези.

Таксист – сомалиец. Растительность на тонком, худом лице пробивается пятнами. Он смотрит на меня через толстые стекла огромных очков.

– Сейчас два часа ночи. Я на сегодня закончил. Всё.

– Пожалуйста.

– Читать умеешь? Посмотри на табличку. – Он хлопает ладонью по крыше.

– Мне надо домой.

Стекло поднимается.

Я сую руку в карман, достаю пластиковый пакет с моими личными вещами, расстегиваю и показываю ему деньги.

– Заплачу больше...

– Отойди с дороги.

– Вдвое больше.

Стекло останавливается, не дойдя шесть дюймов.

– Наличными.

– Наличными.

Торопливо пересчитываю бумажки. Такса до Норт-сайда, наверное, 75 долларов, а мне нужно вдвое больше.

– Садись, если едем! – кричит сомалиец.

Недавние посетители бара, заметив остановившееся на перекрестке такси, бредут в нашем направлении, требуя, чтобы я придержал мотор.

Я наконец заканчиваю подсчет фондов – у меня 332 доллара и три кредитки. Сажусь сзади и говорю, что мне надо на Логан-сквер.

– Это же двадцать пять миль! – возмущается шофер.

– И я плачу вдвое.

Он смотрит на меня в зеркало.

– Где деньги?

Я отсчитываю сотню и кладу их на переднее сиденье.

– Остальное получишь, когда приедем.

Сомалиец забирает деньги, дает газу, и мы проносимся через перекресток мимо пьянчужек.

Изучаю содержимое зажима для денег. Под наличкой и кредитками лежат водительские

права с моей фотографией, которую я еще не видел, пропуск в спортзал, в котором я ни разу не был, и страховая карточка от перевозчика, которым я никогда не пользовался.

Таксист снова смотрит на меня в заднее зеркало.

— Плохая выдалась ночь, а?

— А что, видно?

— Я сначала подумал, что ты пьян, но нет. Одежда рваная. Лицо в крови.

На его месте я тоже вряд ли захотел бы подбирать пассажира, на вид бездомного и тронутого, в два часа ночи на пустынной улице.

— У тебя проблемы, — говорит водитель.

— Ага.

— Что случилось?

— Сам толком не знаю.

— Я отвезу тебя в больницу.

— Нет. Я хочу домой.

Мы едем на север, к городу, по пустынной автостраде, и профиль горизонта медленно подбирается ближе и ближе. С каждой милей я ощущаю себя увереннее уже хотя бы потому, что скоро буду дома.

Дэниела поможет разобраться, что к чему, и понять, что происходит.

Такси останавливается напротив моего особняка. Я расплачиваюсь с водителем, быстро перехожу на другую сторону улицы, избегаю по ступенькам к двери и достаю из кармана ключи. Ключи не мои. Пытаясь вставить один из них в замочную скважину, я замечаю, что и дверь не моя. То есть дверь моя. И улица моя. Номер на почтовом ящике тоже мой. Но дверная ручка другая, деревянная и слишком элегантная, а петли железные, в готическом стиле, более подходящие какой-нибудь средневековой таверне.

Дверь открывается внутрь.

Что-то не так.

Что-то очень, очень не так.

Я переступаю порог, вхожу в столовую.

Запах другой. Мой дом пахнет иначе. Здесь вообще ничем не пахнет. Разве что немного пылью. Как будто здесь никто не живет. Свет погашен. Весь.

Я закрываю за собой дверь и шарю в темноте по стене, пока не натыкаюсь на выключатель. Комната наполняется теплым светом, но люстра тоже другая – рожковая и висит над минималистским стеклянным столиком. И столик, и стулья – не мои.

– Эй? – окликаю я.

Никто не отвечает.

В доме тихо.

До жути тихо.

В моем доме на полке за обеденным столом стоит большая семейная фотография – мы троим, Дэниела, Чарли и я, на смотровой площадке Инспирейшн-Пойнт в Йеллоустонском национальном парке.

Здесь, в этом доме, на полке стоит черно-белая, контрастная фотография того же каньона. Выполнена она более профессионально, но на ней никого нет.

Я перехожу в кухню, и сенсор движения включает приглушенный свет.

Кухня – роскошная.

Дорогая.

И безжизненная.

У меня дома на белой дверце холодильника красуется на магнетиках первая творческая работа Чарли – макаронная мозаика, – неизменно вызывающая у меня улыбку. В этой кухне стальной фасад «Гагенау» сияет безукоризненной чистотой.

– Дэниела! – зову я.

Здесь даже эхо моего голоса звучит иначе.

– Чарли!

Вещей меньше, эха больше.

Я прохожу в гостиную. Моя старая вертушка стоит рядом с дорогой акустической системой. Мои виниловые пластинки с записями джаза аккуратно и с любовью расставлены в алфавитном порядке на встроенных полках.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж.

В коридоре темно, и выключатель не там, где он должен быть, но это не важно. Почти все осветительные приборы работают на сенсорах движения, и лампы скрыты в углублениях в потолке.

Деревянный пол тоже не мой. Он симпатичнее, половицы шире и не такие гладкие.

Фотография, на которой мы вдвоем стоим на фоне Висконсин-Деллс, заменена здесь эскизом с изображением Военно-морского пирса. Эскиз выполнен углем на листе толстого пергамента. В глаза бросается подпись художника в правом нижнем углу – Дэниела Варгас.

Я вхожу в комнату слева.

В комнату сына.

Вот только и она совсем другая. Нет ни одной из его сюрреалистических работ на стенах. Нет кровати. Нет манга-постеров. Нет письменного стола с разбросанными листками. Нет лавовой лампы и рюкзака. На полу не валяется разбросанная одежда. Только монитор на дорогом столе с книгами и бумагами.

Шокированный, я иду в конец коридора. Отдвигаю раздвижную дверь с матовым стеклом и вхожу в спальню. Шикарную, холодную, нежилую, как и все остальное в этом доме. Не мою.

На стенах выполненные углем на толстом пергаменте эскизы. Стилль тот же, что и у наброска в коридоре. Центральное место занимает стеклянная витрина, встроенная в деревянный – похоже, из акации – стенд. Идущий из основания свет падает на сертификат в кожаной папке, опирающейся на обтянутую бархатом стойку. На свисающей со стойки тонкой цепочке висит золотая монета с изображением Джулиана Павиа.

Текст на сертификате гласит:

Премия Павиа присуждена ДЖЕЙСОНУ ЭШЛИ ДЕССЕНУ – за выдающиеся достижения в продвижении наших знаний и понимания происхождения, эволюции и свойств вселенной посредством помещения макроскопического объекта в состояние квантовой суперпозиции.

Я опускаюсь на край кровати.

Мне нехорошо.

Сильно нехорошо.

Мой дом – моя тихая гавань, моя крепость, мой уютный уголок, где я окружен семьей. Теперь он даже не мой.

У меня сводит живот.

Я бегу в ванную, откидываю крышку унитаза, и меня выворачивает в сияющую белизной чашу.

Горло горит от жажды.

Я поворачиваю ручку и пью из-под крана.

Ополаскиваю лицо.

И бреду в спальню.

Мобильника при мне нет, и где он, я не представляю, но на прикроватном столике стоит проводной телефон.

Я никогда не набирал номер сотового Дэниелы и теперь вспоминаю его не сразу, но все же вспоминаю и набираю.

Четыре гудка.

– Алло? – отвечает мужской голос, глубокий и сонный.

– Где Дэниела? – спрашиваю я.

– Думаю, вы ошиблись номером.

Я называю номер своей жены.

– Да, – говорит мой собеседник, – номер правильный, но только он – мой.

– Как такое возможно?

Незнакомец дает отбой.

Я снова набираю номер Дэниелы, и теперь он берет трубку после первого же звонка.

– Сейчас три часа ночи. Больше не звони. Идиот.

С третьей попытки я попадаю на голосовую почту. Сообщения не оставляю и даю отбой.

Поднявшись с кровати, опять иду в ванную. Рассматриваю себя в зеркале над раковиной.

Лицо в синяках и царапинах. Засохшая кровь и грязь. Щетина. Глаза налиты кровью.

Тем не менее это я.

Усталость накатывает волной и буквально валит с ног.

Ноги подгибаются, но я успеваю ухватиться за столешницу.

И тут... какой-то шум на первом этаже.

Как будто кто-то осторожно прикрыл дверь.

Я выпрямляюсь.

Настороженно прислушиваюсь.

Тихонько подхожу к двери. Смотрю в коридор.

Слышу приглушенные голоса.

Попискивание рации.

Скрип половицы под осторожным шагом.

Голоса звучат яснее, разбегаются эхом между стенами лестничного пролета, выплескиваются в коридор. Теперь я вижу их тени на стенах, шествующие по лестнице, словно призраки.

Осторожно выхожу в коридор, и тут же с лестницы доносится сдержанный, нарочито спокойный мужской голос. Голос Лейтона:

– Джейсон?

Пять быстрых шагов – и я уже у ванной.

– Мы не сделаем тебе ничего плохого, – продолжает Вэнс.

Они уже в коридоре. Идут медленно, методично.

– Знаю, ты растерян и дезориентирован. Нужно было сказать что-то в лаборатории. Жаль, я не сразу понял, в каком ты состоянии, насколько тяжело тебе это далось.

Я осторожно закрываю за собой дверь и толкаю задвижку.

– Мы хотим позаботиться о тебе, принять меры, чтобы ты не навредил ни себе, ни другим.

Ванная раза в два больше моей, стены душевой облицованы гранитом, рядом с ней – мраморная столешница с двумя умывальниками.

Напротив туалета я вижу то, что мне нужно: большую, встроенную в стену полку и люк, за которым находится ведущий в прачечную желоб для грязного белья.

– Джейсон? – зовет Лейтон.

Треск статических разрядов уже за дверью ванной.

– Джейсон, пожалуйста. Поговори со мной. – Идущий ниоткуда голос сочится

отчаянием. – Мы все работали ради сегодняшнего дня. Мы посвятили этому жизнь. Выходи! Не дури!

Однажды дождливым воскресеньем – Чарли тогда было то ли девять, то ли десять лет – мы полдня играли в спелеологов. И я раз за разом спускал его по желобу в прачечную. Он даже надевал рюкзачок и самодельный налобный фонарь.

Я открываю люк, забираюсь на полку.

– Проверьте спальню, – говорит Лейтон.

Торопливые шаги по коридору.

Желоб выглядит тесным. Может быть, даже слишком тесным.

Дверь вздрагивает. Кто-то крутит ручку.

Издалека доносится женский голос:

– Эта на замке.

Я заглядываю в шахту.

Полнейшая тьма.

Дверь ванной довольно прочная и первый приступ выдерживает – дерево только трещит.

Я вовсе не уверен, что смогу протиснуться в тесный люк, но ничего другого не остается.

Вторая попытка заканчивается тем, что дверь слетает с петель и с грохотом обрушивается на выложенный кафелем пол.

В последний момент я бросаю взгляд в зеркало и вижу Лейтона Вэнса и одного из тех консультантов по безопасности, что были в лаборатории. Один из них держит в руке что-то похожее на тазер.

Наши – мои и Лейтона – глаза встречаются на мгновение в стекле, а потом человек с тазером поворачивается и поднимает оружие.

Я складываю руки на груди и ныряю в шахту.

Крики в ванной глохнут, а я падаю в пустую пластиковую корзину для белья, которая раскалывается от удара. Сила инерции отбрасывает меня к стене между стиральной машиной и сушилкой.

Они уже спускаются, шаги грохочут по лестнице.

Острая боль иглой пронзает правую ногу. Кое-как поднявшись, я бросаюсь к застекленной двери, которая ведет на улицу.

Латунные ручки замерли намертво.

Дверь заперта на замок.

Шаги приближаются, голоса все громче. Чей-то громкий голос, перекрывая треск статических разрядов, раздает распоряжения.

Я поворачиваю замок, распаиваю дверь и проношусь через веранду красного дерева, которая может похвастать грилем получше моего и горячей ванной, которой у меня никогда не было.

Скатываюсь по ступенькам в задний дворик, пролетаю мимо цветника. Дергаю ручку гаража – заперто.

В доме – суматоха, во всех окнах уже горит свет. Несколько человек, четверо или пятеро, носятся, перекрикиваясь, по комнатам первого этажа.

Задний двор обнесен сетчатой оградой в восемь футов высотой. Я поднимаю крючок на двери, и в этот момент кто-то вылетает на веранду.

– Джейсон!

Переулок пуст, и у меня нет времени раздумывать, в какую сторону повернуть.

Я просто бегу и только на перекрестке позволяю себе обернуться. Меня преследуют двое.

Рев двигателя взрывает тишину, покрышки взвизгивают, зацепив бордюр.

Я поворачиваю налево и несусь к следующему переулку.

Почти каждый задний двор прячется за непреодолимой оградой, но пятый ограничился лишь кованой конструкцией в пояс высотой.

Темный внедорожник, развернувшись, влетает в переулок и, набирая скорость, несется мне навстречу.

Я бросаюсь к забору.

Взять барьер с ходу нет сил, и я неуклюже переваливаюсь через острые металлические зубцы и мешком падаю на землю в чьем-то заднем дворе. Заметив небольшую пристройку к гаражу – на двери нет замка, ползу к ней на четвереньках по траве.

Дверь открывается со скрипом, и я проскальзываю внутрь ровно в тот момент, когда по двору кто-то пробегает.

Я прикрываю дверь, чтобы меня не услышали, и замираю.

Но задержать дыхание не могу.

В пристройке темно, хоть глаз выколи, и пахнет бензином и скошенной травой. Я стою, прижавшись грудью к двери. Пот струится по щекам и капает с подбородка.

Снимаю с лица паутину. Шарю в темноте по дощатым стенам. Пальцы натываются на инструменты – садовые ножницы, ножовку, грабли, лезвие топора... Я снимаю со стены топор, ощупываю деревянную рукоять, провожу пальцем по лезвию. Судя по глубоким выщербинам, с точильным камнем оно встречалось давно.

Сморгнув повисший на ресницах едкий пот, осторожно открываю дверь. Тишина. Ни звука.

Сдвигаю дверь еще на несколько дюймов, расширяю щель и наконец выглядываю во двор.

Пусто. Ни души.

Глядя в эту щель, наполненную тишиной и покоем, я вспоминаю принцип «Бритвы Оккама»: при прочих равных условиях верным обычно бывает простейшее объяснение. Если предположить, что меня накачала наркотиками и похитила некая тайная группа, проводящая эксперименты по управлению сознанием или бог знает чему еще, будет ли такое предположение отвечать всем определенным требованиям? Вряд ли. Им понадобилось бы либо промыть мне мозги, чтобы убедить в том, что мой дом – это не мой дом, либо за несколько часов избавиться от моей семьи и перестроить интерьер таким образом, чтобы я сам его не узнал.

Или же – и этот вариант выглядит более правдоподобным – опухоль у меня в мозгу перевернула мой мир с ног на голову? Месяцы или даже годы она тихонько росла внутри моего черепа, а теперь наконец ломает мои когнитивные процессы, извращает восприятие окружающего мира...

Получилось убедительно.

Что еще могло произвести столь быстрый и сокрушительный эффект?

Что еще могло в течение нескольких часов полностью нарушить мой контакт с действительностью и собственной личностью, поставить под сомнение все, что я знаю?

Я жду.

Жду.

Жду.
И наконец выскальзываю за дверь и ступаю на траву.
Ни голосов.
Ни шагов.
Ни теней.
Ни рокота двигателей.
Ночь как ночь. Настоящая. Реальная.
И теперь я знаю, куда идти.

* * *

От моего дома до больницы и медицинского центра «Чикаго-Мёрси» – дорога в десять кварталов, так что в приемное отделение экстренной медицинской помощи я вхожу в 4:05.

Не люблю больницы.

В больнице у меня на глазах умерла моя мать.

В палате интенсивной терапии провел первую неделю жизни Чарли.

В комнате ожидания, кроме меня, сидит рабочий-строитель, прижимающий к груди руку в окровавленной повязке, и убитая горем семья из трех человек, глава которой держит на руках плачущего ребенка.

Женщина в регистратуре поднимает голову от бумаг. Несмотря на поздний час, взгляд у нее удивительно ясный.

– Чем могу помочь? – спрашивает она через плексигласовую перегородку.

Что сказать, как объяснить свои проблемы? Об этом я почему-то не подумал и теперь растерянно молчу.

– Вы попали в аварию? – спрашивает женщина.

– Нет.

– У вас царапины и синяки на лице.

– Я нездоров.

– Что вы имеете в виду?

– Думаю, мне нужно поговорить с кем-то.

– Вы – бездомный?

– Нет.

– Где ваша семья?

– Не знаю.

Служащая больницы окидывает меня профессиональным взглядом, быстрым и оценивающим.

– Ваше имя, сэр?

– Джейсон.

– Минутку.

Женщина поднимается со стула и исчезает за углом.

Секунд через тридцать звенит зуммер, и дверь за ее рабочим местом со щелчком открывается.

Служащая улыбается:

– Идемте со мной.

Она ведет меня в смотровой кабинет.

– Сейчас к вам придут.

Дверь за ней закрывается. Я сажусь за стол и закрываю глаза от яркого света. Усталость давит на плечи.

Голова опускается...

Я засыпаю...

Дверь открывается.

В комнату входит молодой, плотного сложения доктор с планшетом. Его сопровождает медсестра – крашеная блондинка в синем халате. Усталость висит у нее на шее тяжким жерновом, что неудивительно, учитывая поздний час.

– Вы – Джейсон? – спрашивает врач, не предлагая руки и даже не пытаясь скрыть хмурого безразличия.

Я киваю.

– Фамилия?

Я медлю с ответом, не решаясь раскрыться. Хотя если все дело в опухоли или в чем-то еще, что нарушает умственную деятельность и искажает восприятие мира, то лучше ничего не скрывать.

– Дессен, – отвечаю я в конце концов.

Медик записывает мою фамилию в приемный формуляр. По крайней мере, я так полагаю.

– Я – доктор Рэндольф, врач-ординатор. Что привело вас сегодня в службу экстренной медицинской помощи? – спрашивает врач.

– Мне кажется, у меня что-то не то с головой. Вроде опухоли или чего-то в этом роде.

– Почему вы так думаете?

– Некоторые вещи не такие, какими должны быть.

– О'кей. Можете объяснить подробнее?

– Я... Хорошо. Это может показаться вам безумием, но имейте в виду, что я и сам это понимаю.

Доктор отрывается от планшета и смотрит на меня.

– Мой дом – не мой дом. Там нет моей семьи. В нем все другое... все более качественное, обновленное и...

– Но адрес тот же?

– Да, тот же.

– То есть вы хотите сказать, что внутри он другой, но снаружи прежний? – Рэндольф разговаривает со мной, как с ребенком.

– Да.

– Джейсон, откуда у вас эти царапины и синяки на лице? Грязь на одежде?

– За мной гнались.

Говорить это не следовало, но я устал и не в состоянии фильтровать информацию. Со стороны я, должно быть, выгляжу совершенным безумцем.

– Гнались? – переспрашивает врач.

– Да.

– Кто за вами гнался?

– Не знаю.

– А почему они преследовали вас?

– Потому что... это сложно.

Как и та женщина в регистратуре, медик бросает на меня оценивающий, скептический, но профессиональный взгляд. Почти неуловимый.

– Вы принимали сегодня наркотики или алкоголь? – спрашивает доктор Рэндольф.

– Немного вина, потом виски, но это было несколько часов назад.

– Еще раз – извините, смена долгая: но почему вы решили, что у вас что-то не так с головой?

– Потому что последние восемь часов моей жизни совершенно противоречат здравому смыслу. Я ощущаю все как реальное, но такого не может быть.

– У вас были травмы головы?

– Нет. Хотя... Думаю, кто-то ударил меня по затылку. Трогать до сих пор больно.

– Кто вас ударил?

– Не могу сказать... не уверен. Я сейчас во многом не уверен.

– Хорошо. Вы употребляете наркотики? Сейчас или в прошлом?

– Разве что покуриваю травку пару раз в год. Но не в последнее время.

Доктор поворачивается к медсестре:

– Пусть Барбара возьмет кровь для анализа. – Он кладет планшет на стол и достает из кармана халата медицинский фонарик. – Не возражаете, если я осмотрю вас?

– Нет.

Рэндольф придвигается ближе, так что его лицо оказывается в нескольких дюймах от моего. Я вижу свежую царапину у него на подбородке. Чувствую затхлый запах кофе в его дыхании. Он светит мне в правый глаз, и на мгновение в центре моего поля зрения остается только слепящая, выжигающая весь остальной мир точка.

– У вас не бывает мыслей нанести вред своему здоровью? Позывов к самоубийству?

– Я не самоубийца.

Луч света бьет в левый глаз.

– Вас когда-либо госпитализировали по психиатрическим показаниям?

– Нет.

Врач берет мою руку своими мягкими, прохладными пальцами – считает пульс.

– Кем работаете?

– Преподаю в Лейкмонт-колледже.

– Женаты?

– Да. – Я машинально трогаю обручальное кольцо.

Кольца нет.

Господи!

Медсестра закатывает рукав рубашки на моей левой руке.

– Как зовут вашу жену? – продолжает доктор.

– Дэниела.

– У вас хорошие отношения?

– Да.

– Вы не думаете, что она беспокоится? Может быть, нам стоит позвонить ей?

– Я пытался.

– Когда?

– Примерно час назад. Из дома. Отвечал кто-то другой. Неправильный номер.

– Вы могли ошибиться с набором.

– Я знаю номер телефона моей жены.

– Уколы хорошо переносите, мистер Дессен? – спрашивает медсестра.

– Да.

Она стерилизует место для укола и вдруг говорит:

– Доктор Рэндольф, посмотрите.

На руке, там, где Лейтон делал мне укол, остался след от иглы.

– Когда это случилось? – спрашивает врач.

– Не знаю. – Рассказывать о лаборатории, из которой я сбежал, пожалуй, не стоит.

– Не знаете, кто сделал вам укол в руку?

– Нет.

Рэндольф кивает своей помощнице.

– Будет немножко больно, – предупреждает она.

– Ваш сотовый с вами? – спрашивает доктор.

– Я не знаю, где он.

Медик берет планшет.

– Пожалуйста, скажите еще раз, как зовут вашу жену. И продиктуйте номер телефона.

Мы постараемся связаться с ней.

Я снова называю имя Дэниелы и называю номера телефонов, ее мобильный и наш домашний. Кровь бежит в пластиковую пробирку.

– Просканируете мозг? – осведомляюсь я. – Посмотрите, что там делается?

– Конечно.

* * *

Меня отводят в отдельную палату на восьмом этаже.

Я умываюсь в ванной, сбрасываю туфли и забираюсь на кровать.

Усталость затягивает в сон, но ученый у меня в голове отключаться не спешит.

Мысли вертятся, и остановить их мне не по силам.

Я формулирую и отвергаю гипотезы. Пытаюсь приложить логику ко всему случившемуся со мной сегодня. Я не знаю, что реально, а что нет. Не уверен даже, женат я или нет.

Впрочем... Стоп. Подожди.

Поднимаю левую руку и рассматриваю безымянный палец.

Кольца нет, но доказательством его существования может служить слабая вмятинка у основания пальца. Оно было. Оно оставило след.

Значит, его кто-то забрал.

Я касаюсь вмятинки пальцем, с ужасом и успокоением сознавая, что она – единственное напоминание о моей реальности.

Интересно...

Что будет, когда исчезнет и этот последний физический след моего брака?

Когда не будет уже никакого якоря?

Затянутое тучами небо над Чикаго угрюмо багровеет к рассвету, и я наконец сдаюсь на милость сна.

Стук передней двери застигает Дэниелу в тот момент, когда ее руки погружены в теплую мыльную воду. Она оставляет в покое кастрюлю, которую с ожесточением трет последние полминуты, выпрямляется и, услышав приближающиеся шаги, оглядывается через плечо.

Джейсон появляется в проходе между кухней и столовой с дурацкой – как сказала бы ее мать – ухмылкой на губах.

Дэниела снова поворачивается к раковине.

– Твоя тарелка в холодильнике.

Поглядывая в запотевшее стекло окна над мойкой, она видит, как муж ставит на столешницу сумку с покупками и направляется к ней.

Он обнимает ее за талию.

– Если думаешь откупиться парой пинт мороженого, то я даже не знаю, что и сказать, – говорит женщина полушутливо.

Мужчина прижимается к ней и, обжигая ухо горячим дыханием с запашком виски, шепчет:

– Жизнь так коротка! Не злись. Не трать время впустую.

– Так как же сорок пять минут превратились в почти три часа?

– Точно так же как один стаканчик превращается в два, а два – в три, и дальше в том же духе. Чувствую себя прескверно.

От губ Джейсона, прижавшихся к шее Дэниелы, у нее по спине пробегает легкая, трепетная дрожь.

– Легко ты не отделаешься, – говорит она.

Теперь он целует ее под ухом. Когда такое было в последний раз? Дэниела уже и не помнит.

Он опускает руки в воду.

Переплетает свои пальцы с ее.

– Тебе надо поесть, – говорит женщина. – Я разогрею.

Она пытается пройти мимо него к холодильнику, но он не пропускает, встает у нее на пути.

Теперь они стоят лицом к лицу. Она смотрит ему в глаза, и, может быть, от того, что оба они выпили, воздух сгущается, как будто каждая молекула зарядилась энергией.

– Господи, как же я по тебе соскучился!

– Признайся-ка честно, сколько ж ты выпил с...

Он снова целует ее, прижимает к шкафчикам так, что столешница режет ей спину, шарит по бедрам, рвет рубашку из джинсов, и его ладони обжигают кожу...

Она отталкивает его к столу.

– Господи, Джейсон!

В приглушенном свете кухни Дэниела смотрит на него пристально, пытаясь понять, что это за энергия, с которой он вернулся домой.

– С тобой там что-то случилось, – заявляет она.

– Ничего не случилось. Просто потерял счет времени.

– Ничего? И ты не заболтался с какой-нибудь девчушкой из компании Райана и не

почувствовал себя двадцатипятилетним? И не появился домой с пружиной в штанах, притворяясь...

Джейсон смеется. Весело.

– Что?

– Так ты думаешь, все дело именно в этом? – Мужчина снова наступает. – Я вышел из бара – голова на плечах, а мысли в разлете. Вообще ни о чем не думал. Ступил с тротуара на проезжую часть, а там такси. Повезло, что он еще не размазал меня по всей дороге. Напугал до смерти. Не знаю, как это объяснить, но с того момента – в бакалейном, пока шел домой, и вот теперь в кухне – я чувствую себя по-другому. Живым. Как будто впервые взглянул на жизнь ясными глазами. Взглянул и увидел все, за что должен ее благодарить. За тебя. За Чарли.

Злость в душе Дэниелы начинает таять.

– Мы так погрязли в рутине, так привыкли идти в колее, что перестали видеть наших любимых такими, какие они есть, – продолжает Джейсон. – Но сегодня, прямо сейчас, ты для меня та же, что и тогда, когда мы только встретились, когда твой голос и твой запах были целой новой страной... Я, наверное, несу бред.

Дэниела подходит к нему, берет его лицо в ладони, целует.

А потом, взяв за руку, ведет вверх.

В коридоре темно, и она не может вспомнить, когда муж делал что-то такое, отчего ее сердце колотилось вот так, как сейчас.

У комнаты Чарли Дэниела останавливается на секунду, прикладывает ухо к двери и слышит приглушенную, ревущую в наушниках музыку.

– Горизонт чист, – шепчет она.

Осторожно, едва ли не на цыпочках, они проходят по скрипучему коридору.

В спальне Дэниела запирает двери и выдвигает верхний ящик комода, чтобы поискать свечу, но Джейсону не терпится. Он тянет ее к кровати, толкает на постель и наваливается сверху, целует, запускает руки под одежду, шарит жадно по телу.

Она чувствует что-то влажное на щеках, на губах.

Слезы.

Его слезы.

Она сжимает ладонями его лицо.

– Почему ты плачешь?

– У меня было такое чувство, будто я тебя потерял.

– Ты не потерял меня, Джейсон. Я здесь, малыш. С тобой. Я – твоя.

Он раздевает ее в темноте спальни, а она думает, что никогда и никого не хотела так отчаянно, как его сейчас. Злость и раздражение ушли. Сонливость рассеялась. Дэниела как будто вернулась в тот день, когда они впервые занимались любовью у нее в лофте. Бактаун мерцал за огромными окнами, и она приоткрыла их, чтобы впустить бодрящего октябрьского воздуха, и вместе с ним в комнату проникли голоса людей, возвращающихся домой из баров, далекий вой сирен и гул машин громадного отдыхающего города – притихшего, но не умолкнувшего до конца, не отключившегося полностью, лишь сбавившего обороты до уютного, успокаивающего ворчания.

На пике экстаза Дэниела изо всех сил старается не вскрикнуть, но сдержаться не получается. Ни у нее, ни у Джейсона.

Сегодня не получается.

Потому что сегодня что-то изменилось. Изменилось к лучшему.

Нет, они не были несчастны эти несколько последних лет. Даже наоборот.

Но она давно-давно не испытывала этого ощущения сумасшедшей, головокружительной любви, которое вскипает в самом низу живота и опрокидывает мир навзничь.

– Мистер Дессен?

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

– Привет. Извините...

Сверху вниз на меня смотрит женщина – невысокая, зеленоглазая, с рыжими волосами и в белом лабораторном халате. В одной руке у нее чашка кофе, в другой – планшет.

Сажусь.

За окном, которое рядом с моей кроватью, день, и первые пять секунд я совершенно не представляю, где нахожусь.

Низкие тучи окутали город, отрезав его профиль на высоте в тысячу футов. Глядя через стекло, я вижу озеро и две мили чикагских кварталов, заполняющих пространство между больницей и озером, – под мрачной, среднезападной серостью все выглядит приглушенным и размытым.

– Мистер Дессен, вы знаете, где находитесь?

– В больнице «Чикаго-Мёрси».

– Верно. Прошлой ночью вы, будучи в состоянии дезориентации, обратились в службу экстренной медицинской помощи. Вас принял один из моих коллег, доктор Рэндольф. Уходя сегодня утром по окончании смены, он передал мне вашу карту. Я – Джулианна Спрингер.

Из моего запястья к пластиковому мешочку, подвешенному к металлической стойке, тянется тонкая трубка.

– Что вы мне даете? – интересуюсь я.

– Всего лишь аш-два-о. У вас было сильное обезвоживание. Как самочувствие сейчас?

Провожу экспресс-самодиагностику.

Тошнота.

Голова раскалывается.

Во рту – как будто ваты наелся.

Показываю пальцем в окно.

– Как там. Хмурое похмелье.

За физическим дискомфортом таится сокрушительное ощущение пустоты, которая будто низвергается прямо на мою душу.

Меня словно выпотрошили.

– Готовы результаты магнитно-резонансной томографии, – говорит врач, включая планшет. – Показатели нормальные. Был неглубокий кровоподтек, но ничего серьезного. А вот токсикологический скрининг пролил некоторый свет. Мы нашли следы алкоголя, и это вполне соответствует тому, что вы рассказали доктору Рэндольфу, но есть и кое-что еще.

– Что?

– Кетамин.

– Не сталкивался с таким.

– Это анестетик. Применяется при хирургических вмешательствах. Среди побочных эффектов значится краткосрочная амнезия. Вот вам и объяснение дезориентации. Но токсикологический скрининг показал не только кетамин, а еще нечто, чего я никогда прежде не видела. Некое психоактивное соединение. Сказать по правде, необычный коктейль. – Джулианна отпивает кофе. – Должна спросить – вы сами эти средства не принимали?

– Разумеется, нет.

– Прошлой ночью вы назвали доктору Рэндольфу имя вашей жены и пару телефонных номеров.

– Да, номер ее сотового и нашего домашнего.

– Я пыталась дозвониться до нее все утро, но мобильный, номер которого вы назвали, принадлежит некоему парню по имени Рэй, а звонок по наземной линии сразу переводится на голосовую почту.

– Можете прочесть мне ее номер?

Спрингер называет номер сотового Дэниелы.

– Все правильно, – говорю я.

– Уверены?

– На сто процентов.

Врач снова смотрит на планшет, и я, воспользовавшись паузой, спрашиваю:

– Эти вещества, что вы нашли у меня в крови, они могли вызвать длительное измененное состояние?

– Вы имеете в виду бредовые идеи? Галлюцинации?

– Да.

– Буду с вами откровенна, я не знаю, что это за соединение, и, следовательно, не могу с уверенностью сказать, как оно могло подействовать на вашу нервную систему.

– То есть оно может действовать и сейчас?

– Я не знаю, каков период его полураспада и сколько времени может потребоваться организму, чтобы избавиться от него. Но в данный момент вы не кажетесь мне человеком, находящимся под воздействием чего-либо.

Память о событиях прошедшей ночи начинает понемногу восстанавливаться.

Я вижу, как вхожу, голый и под дулом револьвера, в какое-то заброшенное здание.

Вспоминаю укол в шею.

И другой, в ногу.

В памяти всплывают фрагменты странного разговора с человеком, лицо которого скрывала маска гейши.

Помещение со старыми генераторами, наполненное лунным светом.

Мысль о прошлой ночи несет эмоциональный вес реальной памяти, но присутствует в ней и фэнтезийная подкладка сна или кошмара. Что со мной сделали в том старом здании?

Спрингер пододвигает стул поближе к кровати и садится. Теперь я вижу веснушки на ее лице, отчего оно выглядит так, словно его посыпали песком.

– Давайте поговорим о том, что вы сказали доктору Рэндольфу. Он записал... – Она вздыхает. – Извините, у него жуткий почерк. «Пациент говорит: Мой дом – не мой дом». Вы также сказали, объясняя, откуда у вас на лице синяки и царапины, что за вами гнались, но когда вас спросили, почему за вами гнались, ответа дать не смогли. – Женщина поднимает глаза от экрана. – Вы – преподаватель?

– Верно.

– И преподаете в...

– В Лейкмонт-колледже.

– Тут вот такая штука, Джейсон. Пока вы спали и после того, как нам не удалось найти какие-либо следы вашей жены...

– Что значит «не удалось найти»? Что вы хотите этим сказать?

– Ее имя – Дэниела Дессен, так?

– Да.

– Ей тридцать девять лет?

– Да.

– Так вот, мы не нашли никого, кто соответствовал бы этим параметрам, во всем Чикаго.

Новость сражает меня наповал. Я отвожу глаза от доктора Спрингер и смотрю в окно. Там так серо, что даже время дня не определить. Утро, полдень, вечер – сказать невозможно. На другой стороне стекла прилепились капли дождя.

Я даже не уверен, чего стоит бояться – того, что эта реальность может оказаться правдой, или же того, что в голове у меня все распадается на кусочки. Вариант с опухолью мозга, на которую можно было списать происходящее, нравился мне больше. Этот вариант, по крайней мере, что-то объяснял.

– Джейсон, мы позволили себе проверить вас. Ваше имя. Профессию. Все, что смогли найти. Я задам вам вопрос, а вы ответьте. Но будьте очень внимательны. Вы действительно полагаете, что преподаете физику в Лейкмонт-колледже?

– Я не предполагаю. Так оно и есть.

– Мы просмотрели веб-страницы отделений естественных наук всех университетов и колледжей в Чикаго. Включая и Лейкмонт. Ни в одном из них профессора Дессена нет.

– Не может быть. Я преподаю там с...

– Пожалуйста, дайте мне закончить, потому что кое-какую касающуюся вас информацию мы все же нашли. – Доктор печатает что-то на планшете. – Джейсон Эшли Дессен. Родился в тысяча девятьсот семьдесят третьем году в Денисоне, штат Айова. Родители – Рэндал и Элли Дессен. Здесь сказано, что ваша мать умерла, когда вам было восемь лет. Позвольте спросить, от чего?

– У нее было слабое сердце, и она заболела гриппом, который привел к воспалению легких.

– Очень жаль, сочувствую. – Джулианна снова опускает глаза и продолжает читать: – В тысяча девятьсот девяносто пятом вы получили степень бакалавра в Университете Чикаго. В две тысячи втором – степень доктора философии^[5] в том же университете. Пока все правильно?

Я киваю.

– В две тысячи четвертом году отмечены премией Павиа, и в том же году журнал «Сайенс» почтил вас статьей, в которой ваша работа была охарактеризована как «прорыв года». Вы – приглашенный лектор в Гарварде, Принстоне, Беркли. – Доктор смотрит на меня, встречает мой растерянный взгляд и поворачивает планшет так, чтобы я сам смог увидеть страницу «Википедии», посвященную Джейсону Э. Дессену.

Мой синусный ритм на кардиомониторе заметно ускоряется.

– Вы не опубликовали ничего нового и не приняли ни одного связанного с преподавательской деятельностью предложения после две тысячи пятого года, когда стали руководителем лаборатории реактивного движения «Скорость». Здесь также сказано, что восемь недель назад ваш брат подал заявление о вашем исчезновении и что вас не видели на публике уже более года.

Удар такой, что я не могу вдохнуть.

Кардиомонитор отзывается на повышение кровяного давления тревожным скрипучим попискиванием.

В дверях появляется дородный медбрат.

– У нас все хорошо, – говорит доктор Спрингер. – Вы не могли бы сделать так, чтобы эта штука замолкла?

Медбрат подходит к монитору и убирает звуковой сигнал.

Подождав, пока он уйдет, врач касается моей руки.

– Я хочу помочь вам, Джейсон. Вижу, вы напуганы. Не знаю, что с вами случилось, и у меня такое чувство, что и вы этого не знаете.

Ветер с озера крепчает. Капли скользят по стеклу, смешивая мир за окном в импрессионистский городской пейзаж – серое пятно, расцвеченное мерцанием далеких фар.

– Я позвонила в полицию. Они пришлют детектива. Тот возьмет показания и постарается выяснить, что случилось с вами прошлой ночью. Это первое, что мы сделаем. Дальше. Связаться с Дэниелой мне не удалось, но я нашла контактную информацию вашего брата Майкла, живущего в Айова-сити. С вашего разрешения я хотела бы позвонить ему, сообщить, что вы здесь, и обсудить с ним ваше состояние.

Я не знаю, что сказать. С братом я не разговаривал уже два года.

– Не уверен, что хочу, чтобы вы ему звонили, – отвечаю я неохотно.

– Понимаю, но позвольте кое-что пояснить. В соответствии с Законом об ответственности и переносе данных о страховании здоровья, если, по моему мнению, мой пациент не может высказаться «за» или «против» раскрытия личной информации вследствие невменяемости или чрезвычайных обстоятельств, я уполномочена решить, отвечает ли раскрытие таковой информации члену семьи или другу вашим интересам. Полагаю, что ваше теперешнее психологическое состояние можно квалифицировать как невменяемость, и, соответственно, консультация с кем-либо, хорошо знающим вас, будет служить вашим интересам. Поэтому я намерена позвонить Майклу.

Доктор опускает глаза, как будто ей не хочется говорить мне, что будет дальше.

– Третье и последнее. Для оценки вашего состояния нам необходимо заключение психиатра. Я намерена перевести вас в центр психологического здоровья Чикаго-Рид. Это неподалеку, в Норт-сайде.

– Послушайте, да, согласен, я не вполне понимаю, что именно происходит, но я и не сумасшедший, – вздыхаю я. – И с психиатром поговорил бы с радостью. Мне даже нравится такой вариант. Но согласия на помещение куда бы то ни было, если вы об этом просите, я не дам.

– Я ничего не прошу, Джейсон. При всем к вам уважении решать в данном случае уже не вам.

– Извините?

– По закону, если я считаю, что вы представляете угрозу для себя или других, у меня есть право дать распоряжение о принудительном задержании сроком до семидесяти двух часов. Послушайте, для вас сейчас это самое лучшее. Вы не в состоянии...

– Я пришел сюда сам, по собственной воле и без чьей-либо помощи, потому что хотел понять, что со мной не так.

– И правильно поступили. Именно это мы и собираемся сейчас сделать: выяснить, чем вызван этот разрыв с реальностью, и определить лечение, необходимое для вашего полного выздоровления.

Монитор фиксирует новый подъем кровяного давления.

Чего мне сейчас не нужно, так это того, чтобы он снова поднял тревогу.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Медленно выдыхаю.

Еще один забор кислорода.

Показатели падают.

– Итак, вы собираетесь поместить меня в резиновую камеру, отобрать ремень, острые предметы и закормить лекарствами до состояния ступора? – уточняю я.

– Ничего подобного. Вы пришли в больницу, потому что хотели, чтобы вам помогли, ведь так? Что ж, это первый шаг. Я хочу, чтобы вы доверяли мне. – Доктор Спрингер поднимается со стула и несет его через комнату к телевизору. – А пока отдыхайте. Полицейские должны скоро быть, и уже сегодня вечером мы перевезем вас в Чикаго-Рид.

Я провожаю ее взглядом с ощущением нарастающего беспокойства и тревоги.

Что, если островки веры и обрывки воспоминаний, составляющие суть моей личности – профессия, Дэниела, сын, – всего лишь трагические перебои, ложные срабатывания в серой материи у меня между глазами? Буду ли я сражаться за то, чтобы оставаться тем, кем себя считаю? Или отрекусь от этого человека и всего, что он любит, и приму личину того, кем хотел бы видеть меня этот мир?

А если я и впрямь лишился рассудка, что тогда?

Что, если все, что я знаю, ошибочно?

Нет. *Стоп.*

Я не схожу с ума.

У меня в крови обнаружены наркотики. На лице и теле остались синяки с прошлой ночи. Мой ключ открыл дверь того дома, который на самом деле не мой. У меня в мозгу нет никакой опухоли. На пальце имеется вмятина от обручального кольца. Я нахожусь в больничной палате, и все это происходит на самом деле.

Я не имею права считать себя сумасшедшим.

Я должен решить эту проблему.

* * *

Дверь лифта открывается в больничный вестибюль, и я прохожу мимо двух мужчин в дешевых костюмах и мокрых плащах. Они похожи на копов, и когда наши взгляды встречаются, я ловлю себя на мысли, что эти двое, возможно, приехали за мной.

Кабина уносит их вверх, а я минуя зону ожидания и направляюсь к автоматической двери. Поскольку я находился в неохраняемом отделении, выбраться из больницы оказалось намного легче, чем представлялось. Я просто оделся, подождал, пока опустеет коридор, и прошествовал мимо медсестринского поста, не обратив на себя ни малейшего внимания.

Внутренне сжавшись, приближаюсь к выходу. Жду, что вот сейчас зазвонит сигнализация, меня окликнут по имени и охранники устремятся ко мне через вестибюль.

За дверью – дождь. Время, похоже, ближе к вечеру. В пользу этого говорит и обилие машин, обычное для окончания рабочего дня – часов примерно для шести.

Я сбегая по ступенькам, выскакиваю на тротуар и торопливо шагаю до следующего квартала. Оглядываюсь через плечо. Никто за мной не гонится, никто не преследует. По крайней мере, насколько я могу судить.

Вокруг море зонтиков.

Одежда начинает промокать.

Куда я иду? Не знаю.

Заметив какой-то банк, я схожу с тротуара и становлюсь под козырек над входом. Прислонившись к каменной колонне, наблюдаю за проходящими мимо людьми. Дождь монотонно бьет по мостовой.

Из кармана слаксов достаю зажим с деньгами. Ночная поездка на такси нанесла серьезный удар по моим скудным финансам. Наличность сократилась до ста восьмидесяти двух долларов, а мои кредитные карты бесполезны.

О возвращении домой не может быть и речи, но в нашем районе, всего в паре кварталов от моего особняка, есть дешевый отель, комната в котором, судя по его убогому виду, мне по карману.

Снова иду под дождем.

Темнеет с каждой минутой.

И холодает.

Ни пальто, ни куртки у меня нет, и уже через два квартала я мокрый насквозь.

* * *

Отель «Дейз инн» занимает здание напротив бара «Виллидж тэп».

Только вот не все так просто. Тент совсем другого цвета, да и весь фасад выглядит непривычно – шикарнее и дороже. Здесь определенно какие-то роскошные апартаменты. Мало того, у входа стоит под зонтиком швейцар. Рядом с ним женщина в черном тренче, для которой он пытается остановить такси.

А на той ли я улице?

Бросаю взгляд на корнер-бар.

В витрине должна мигать неоновая вывеска «ВИЛЛИДЖ ТЭП», но вместо нее я вижу крепкую деревянную панель с латунными буквами, прикрепленную к штанге, раскачивающейся над входом и поскрипывающей на ветру.

Я иду дальше, быстрее и быстрее. Дождь бьет в глаза.

Иду мимо шумных закусовых.

Мимо ресторанов, готовящихся встретить вечерний наплыв посетителей – сияют бокалы, приборы аккуратно разложены на белых льняных скатертях, официанты запоминают меню.

В незнакомой кофейне гремит, усердно перемалывая свежие зерна, эспрессо-машина.

Наше с Дэниелой любимое итальянское заведение выглядит именно так, как и должно, напоминая, что я не ел почти двадцать четыре часа.

Но я не останавливаюсь. Я иду и иду.

Пока не промокаю до нитки.

Пока меня не начинает трясти от холода.

Пока сумерки не спускаются на город и я не оказываюсь перед трехэтажным отелем с решетками на окнах и бьющей в глаза огромной вывеской над входом:

ОТЕЛЬ «РОЯЛЬ»

Не обветшалый и не грязный в прямом смысле слова. Просто забытый. Переживший свои лучшие времена. Такой осталась в моей памяти гостиная в фермерском доме прадедушки в Айове. Старая, отслужившая свое мебель в этом отеле выглядит так, словно стоит там тысячу лет, застывшая во времени, не замечающая, что остальной мир ушел вперед. В воздухе висит запах плесени, а спрятанная аудиосистема ненавязчиво играет джаз. Что-то из 1940-х.

Старичок в смокинге, занимающий место в каморке портье, и глазом не ведет, увидев перед собой промокшего насквозь человека. Просто берет 95 долларов сырой наличности и подает мне ключ от комнаты на третьем этаже.

Лифт страдает судорогами, и пока он ползет вверх, кряхтя, со всей грацией карабкающегося по ступенькам толстяка, я рассматриваю свои искаженные черты в бронзовых дверях кабинки. Свою комнату обнаруживаю, пройдя до середины тускло освещенного коридора, и еще с минуту сражаюсь с допотопным замком.

Номер, мягко говоря, скромный. Одноместная кровать с шаткой металлической рамой и комковатым матрасом. Ванная размером с кладовую. Комод. Ламповый телевизор. И стул возле окна, за которым что-то светится по другую сторону стекла.

Я обхожу кровать, задерживаю шторм и выглядываю на улицу. Прямо передо мной верхний край вывески. Я даже вижу, как дождь падает сквозь зеленый неоновый свет.

Внизу, на тротуаре, замечаю прислонившегося к фонарному столбу мужчину. Дымок клубится под дождем, сигарета вспыхивает и гаснет в темном пятне под шляпой.

Кого он ждет? Меня?

Может, это паранойя, но я все же подхожу к двери. Проверяю задвижку и вешаю цепочку. Сбрасываю туфли, раздеваюсь и вытираюсь досуха единственным обнаруженным в ванной полотенцем.

Самое лучшее в номере – старинная чугунная батарея под окном. Включаю ее на полную и подставляю руки под ее теплое дыхание.

Вешаю мокрую одежду на спинку стула и подвигаю его поближе к батарее.

В ящике прикроватного столика нахожу гideonовскую Библию и растрепанный телефонный справочник Чикаго.

Растянувшись на скрипучей кровати, пролистываю справочник до буквы «Д» и ищу свою фамилию.

Нахожу быстро.

Джейсон Э. Дессен.

Адрес правильный.

Номер телефона правильный.

Телефон стоит тут же, на столике. Снимаю трубку и набираю номер. После четвертого гудка слышу мой собственный голос: «Привет, вы дозвонились до Джейсона, хотя и не вполне, потому что меня здесь нет и ответить вам я не могу. Это запись. Что делать, вы знаете».

Я кладу трубку, не дождаввшись сигнала.

Запись в голосовой почте не та, что у нас дома.

Безумие наступает снова, грозя скрутить меня в позу зародыша и расколоть на миллион кусочков.

Но я отгоняю его, повторяя свое новое заклинание.

Я не имею права считать себя сумасшедшим.

Я должен решить эту проблему.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

То есть в форме тессеракта — развертки четырехмерного куба в трехмерном пространстве; выглядит как восемь трехмерных кубов, соприкасающихся друг с другом гранями в определенном порядке.

«*Чикаго кабс*» – американский профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

МТИ – Массачусетский технологический институт.

Дебрифинг – разовая слабоструктурированная психологическая беседа с человеком, пережившим экстремальную ситуацию или психологическую травму.

Доктор философии (*лат.* Philosophiæ Doctor, Ph.D.) – ученая степень, присуждаемая в некоторых странах Запада; в целом соответствует российской степени кандидата наук.